

КРЫМ КРИМИНАЛ

Владимир Жуков

Заклятое место

книга третья

Владимир Жуков

**Крым-криминал. Книга
3. Заклятое место**

«Автор»

2011

Жуков В. А.

Крым-криминал. Книга 3. Заклятое место / В. А. Жуков —
«Автор», 2011

Сюжетом для романа послужила драматическая история в одном из приморских городов полуострова. В фирме «Nika» погибает президент, а вскоре и ее преемник. Официальное расследование ведет следователь прокуратуры, а частным сыском занимается юрисконсульт фирмы. Сначала гильза, а затем и пистолет ТТ становятся главными уликами для ареста убийцы. Содержит нецензурную брань.

© Жуков В. А., 2011

© Автор, 2011

«Крым-криминал»

Владимир Жуков

ЗАКЛЮЧЕННОЕ МЕСТО

Любовный роман

Серия книг «Крым-криминал» включает остросюжетные произведения (романы, повести, рассказы и судебные очерки), написанные по мотивам конкретных преступлений и происшествий, совершенных на территории Крыма за последние тридцать лет.

По морально-этическим соображениям имена действующих персонажей, в т. ч. сотрудников правоохранительных органов, в некоторых произведениях изменены. Сюжеты при сохранении фабулы в соответствии с канонами жанра отчасти вобрали в себя элементы художественного вымысла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Профи Лещук

Перед этой встречей, разве что, как в начале своей предпринимательской деятельности, когда набирала штат сотрудников, формировала команду единомышленников, президент ЗАО «Ника» Стужина испытывала смутное волнение. Она находилась в рабочем кабинете своего офиса, расположенном в четырехэтажном здании.

Ника Сергеевна встала из-за стола и подошла к стоящему у книжного шкафа трельяжу. Придирчиво оглядела себя, рукою оправила прическу темно-каштановых волос и кружевной воротничок белой блузки под бордового цвета элегантно приталенным деловым костюмом. Аккуратно огладила бедра под брюками, скрывавшими стройные ноги в кожаных под цвет костюма сапожках. Затем слегка подвела губы перламутровой помадой. На красивом овальном лице с персикового цвета кожей ни морщинки, а в естественного цвета волосах ни одной сединки, хотя тревог и забот пришлось пережить немало. Рано влюбилась и в семнадцать лет родила, познав материнскую радость, бессонные ночи и хлопоты.

«Для тридцати шести лет выгляжу вполне достойно, даже намного моложе своих лет, потому что не курю, как иные леди, редко, в исключительных случаях употребляю легкие спиртные напитки, предпочитаю шампанское, и косметикой не слишком увлекаюсь, чтобы не навредить природной красоте. В потребностях и соблазнах знаю меру, веду здоровый образ жизни и не даю повода сплетням», – с удовлетворением подумала женщина и возвратилась к столу с плоским плазменным монитором компьютера, письменным прибором из зеленого малахита с вмонтированными электронными часами.

Перед ней на стеклянной поверхности стола лежала раскрытая кожаная папка с документами. В уголке личного листа по учету кадров была вклеена фотография мужчины с волевым, даже суровым лицом. Женщина оторвала взгляд от фотографии и подняла одну из трех трубок телефонных аппаратов, гнездившихся на тумбочке, и велела:

– Наташа, пригласи ко мне господина Лещука Павла Ивановича.

– Хорошо, – ответила секретарь-референт Ласка. Через несколько секунд из приемной в кабинет вошел выше среднего роста, атлетически сложенный, русоволосый и широкий в плечах мужчина. Своим обликом и статью он вызывал интерес и симпатии у женщин. Охотно, чтобы никого из представительниц прекрасного пола, обративших на него взгляд, не обидеть отвечал взаимностью, не скупился на ласки. Несмотря на отпечаток, который накладывала суровая работа следователя, в избранном кругу женщин прослыл галантным ухажером. Из деликат-

ности Стужина не стала наводить справки и глубоко вникать в его частную жизнь. Будучи противником служебных романов и семейственности, она держала дистанцию в отношениях с мужчинами.

На посетителе была черная кожаная куртка, темные брюки и модные коричневого цвета туфли. Короткая аккуратная прическа.

– Добрый день, Ника Сергеевна, – густым басом приветствовал он.

– Добрый..., Павел Иванович, – ответила она, внимательно изучая посетителя, подметив серо-стальной цвет его зрачков. И сразу без прелюдий перешла к делу:

– Вы изъявили желание поработать в моей фирме?

– Конечно, иначе бы я вас не беспокоил, – сдержанно улыбнулся посетитель. – Меня прилекло многообещающее название «Nika», что означает победа, а я не терплю поражений. Теперь, глядя на вас, понял, что не ошибся в своих предпочтениях.

– Похвально, это делает вам честь. Перед тем, как пригласить на собеседование, я тщательно изучила ваше личное дело, анкетные данные. До сего времени нам не везет с юрист-консультантами. Вначале приняли молодого респектабельного мужчину, но он до такой степени увлекся спиртными напитками и женщинами легкого поведения, что запустил все дела, вынуждена была его уволить. Кстати, вы не злоупотребляете?

– Не злоупотребляю. Пью только по большим праздникам и в меру, – произнес он. – К тому же прежняя должность и зарплата не позволяли шиковать, сорить деньгами. Можно сказать, работал за идею. Если уж употреблять, то дорогие напитки, коньяк, шампанское, а не ядовитое пойло. Да и времени на личную жизнь не хватало. В милиции рабочий день ненормированный, часто среди ночи по тревоге поднимали.

– Сочувствую. Хорошо, что в крепких напитках знаете меру, – похвалила Стужина и продолжила. – После того, как я избавилась от пьяницы и ловеласа, любителя «клубнички», у нас несколько месяцев работала выпускница Харьковской юридической академии, но вскоре вышла замуж, забеременела и ныне в декретном отпуске. Понимаете, дело молодое и законам любви и природы мы не вправе перечить. Это личная, интимная жизнь каждого и она является неприкосновенной, заповедной.

– Вполне с вами солидарный.

– Теорию, законы она знает блестяще, а вот опыта, практики недостает, при острых, спорных и даже конфликтных ситуациях проявляла неуверенность. А нам на этой должности необходим человек опытный, волевой и решительный, достойно отстаивающий интересы фирмы. Вот уже почти месяц, как вакансия. Без толкового, грамотного юриста в этом хаосе, несовершенстве законов, притом, что они часто меняются, нарушая правила игры, в стихии рыночных, а вернее базарных отношений, совершенно невозможно спокойно заниматься бизнесом.

Существует опасность, что тебя подведут, кинут деловые партнеры, ведь немало аферистов, мошенников, желающих погреть руки. Одно дело если пострадаю лично, то переживу, в петлю не полезу, но за мною ведь коллектив, более пятидесяти человек. Я не безразлична к их судьбам, материальному положению. Участь безработного очень горькая, незавидная. Так ведь?

– Совершенно верно.

– Павел Иванович, вы не ответили на вторую часть вопроса? Сознательно или не обратили внимания, а может не посчитали нужным отвечать? – напомнила ему президент.

– О чем вы, Ника Сергеевна? Будьте добры, уточните.

– Ваши отношения с женщиной или с женщинами? Мне известно, что вы живете один, разведены, а значит, не ограничены в своих сексуальных потребностях, в их удовлетворении, что для мужчины вполне естественно, – заметила она.

– Также, как и для женщины, – с улыбкой дополнил он. – Кстати, сексологи утверждают, что женская похотливость превышает мужскую. А насчет моей личной жизни не волнуй-

тесь, скандалов не предвидится, я сдержан в своих чувствах, сексуальных потребностях, умею управлять, владеть своими чувствами, дорожу своей репутацией.

– Спасибо за откровенность. Мы с вами люди взрослые, а не школьники и поэтому я обязана была задать этот вопрос, недомолвок не должно быть,– пояснила Стужина. – Не скрою, меня смущает тот факт, что вы длительное время работали или служили в органах, в милиции...

Она сделала паузу и пристально поглядела на Лещука своими темно-фиалковыми, оттененными длинными ресницами, глазами:

– Уж не из оперативных ли соображений, ради славы и очередного звания остановили выбор на моей фирме. Хотя мы работаем честно, открыто, не в тени, как иные, имеющие «крышу» коммерсанты. Исправно выплачиваем налоги и платежи в разные фонды, занимаемся благотворительностью, помогаем ветеранам войны, инвалидам, детям. Грехов за нами нет. Но тот, кто задался целью отыскать компромат, подорвать репутацию, всегда что-нибудь надергает и состряпает громкое дело, чтобы опорочить честных людей.

– Ну, что вы, разве я похож на шпиона, стукача?– обиделся Павел Иванович. – Такие дешевые финты с подсадными утками только глупцы, недоучки практикуют. Я к вам пришел с открытым сердцем и, как говаривали в старину, с открытым забралом, добрыми намерениями быть полезным, чтобы реализовать свои знания и опыт.

– Правоведы, юристы, судя по объявлениям прессе и телевидении, требуются и на других предприятиях и учреждениях разных форм собственности, а вам почему-то приглянулась «Nika»?

– Мне в качестве руководителей больше импонируют женщины. Они в отличие от мужчин лучше адаптированы к ныне сложной и непредсказуемой политической и экономической обстановке, гибче, изобретательнее и не склонны к совершению глупостей, из-за которых могут пострадать другие люди. Благоразумны и не впадают в панику. Поэтому я предпочел «Nika», да и звучит красиво, обнадеживающе, оптимистически, гарантируя победу! – с пафосом произнес Павел Иванович.

– Это похоже на комплимент, спасибо,– в улыбке Стужина приоткрыла очерченные перламутровой помадой губы. – Любой женщине приятно подобное услышать из уст обаятельного мужчины. Вы – психолог и поэт, умеете обольстить, расположить к себе человека.

– Таковым и должен быть настоящий юрист и следователь, ведь объект его работы, профессии, не станок, машина или прочих механизмы, а человек со сложным характером, гаммой чувств, неповторимый в своей индивидуальности. Постичь глубину его души, проникнуть в мир переживаний и замыслов, в том числе и коварных, в этом и заключается искусство не только психолога, но и юриста,– пояснил Лещук. – В юридических вузах обязательным предметом является психология.

– Хорошо, психолог, а что вы предпочитаете, чай или кофе? Со спиртными напитками мы с вами уже разобрались, да и не годится в рабочее время. Я ни себе, ни сотрудникам не позволяю расслабиться. В свободное время и то, как вы заметили, в меру,– прервала его монолог.

– Я неприхотлив и не привередлив, пусть будет кофе,– ответил он. Президент привычным движением левой руки подняла телефонную трубку и, услышав отклик, мягким голосом велела:

– Наташа, будь любезна, приготовь и принеси нам кофе.

Обернувшись к Лещуку, встретившись с его посветлевшим взором:

– По какой причине вы уволились из МВД, если не секрет? Может, не сложились отношения с начальством или другая причина?

– Вы проникательная, умная женщина и поэтому нет смысла что-либо от вас скрывать, – с готовностью произнес он. – Никаких секретов, ни военной, ни следственной тайн. С начальством у меня отношения прекрасные. Я человек, приученный к дисциплине, исполнительный,

неконфликтный, но требовательный к себе и другим. Служба и есть служба, она обеспечивает порядок. Уговаривали меня остаться и даже обещали с должности старшего следователя повысить до начальника следственного отдела, я одно время был и.о. и отлично справлялся с обязанностями.

Мне светило и очередное звание подполковник. Но я, откровенно говоря, устал от многолетнего общения со спецконтингентом – преступниками и потерпевшими и их жертвами, от уголовных дел. Едва одно закончишь и отправишь в суд, как наворачивается очередное. А бывало, что из-за не востребовавшихся вакансий следователей, приходилось одновременно вести в производстве несколько уголовных дел. А тут еще сроки по УПК поджимают. Прокуратура и собственное начальство теребят, проявляют недовольство, угрожают взысканиями. В общем, бесконечная карусель, потогонная работа.

И самое грустное, что нет света в конце туннеля, с каждым годом преступность нарастает, как снежный ком. Вместо укрепления МВД, повышения зарплаты, урезают финансирование, сокращают кадры, как будто “наверху” кто-то сознательно вредит, покровительствуя усилению криминалитета. Увы, я, наверное, последний из могикан. У меня, как говорил железный Феликс, холодная голова, горячее сердце и чистые руки.

– У моего бывшего мужа железный Феликс был кумиром в большой чести, поэтому настоял, чтобы сына назвали именем этого революционера, – призналась Ника Сергеевна.

Вошла Наташа Ласка, стройная, длинноногая и изящная с улыбкой на овальном с черными глазами лице. Поставила поднос с чашечками и блюдечками с печеньем и вафлями, на стол. Кабинет наполнился приятным ароматом кофе. Замерла в красивой позе, ожидая указаний

– Спасибо, Наташа, можешь идти.

Павел Иванович тоже кивнул в знак благодарности и секретарша грациозно, в белых туфлях на высоких каблуках прошла по мягкому темно-бордовому паласу к двери. «Примерно ровесница моей Дашке, – подумал с грустью. – Семь лет ее не видел, а, кажется, что целую вечность».

– О чем вы задумались? – не ускользнула от ее внимания перемена в настроении и ему пришлось сознаться:

– Дочка у меня такого же возраста и зовут Дашей. Давно не виделся с ней, вот и взгрустнул. Из-за дисгармоний в семейной жизни в первую очередь страдают дети. Так и у меня с бывшей женой не сложилась жизнь. Впрочем, ни к лицу мужику плакаться в женскую жилетку или варежку. А вы, Ника Сергеевна, наблюдательная женщина.

– Да, потому что кто из новых людей партнеров не появится в офисе, так поедают Наташку глазами, похотливыми взглядами, а мне это не нравится. Хоть охрану приставляй, чтобы Ласку не лапали.

– Наташа красивая, обаятельная девушка, но у меня в отношении ее не возникло серьезных мыслей, она мне напомнила о дочери Даше. Посмотрел на девушку отцовским взглядом, – признался он.

– Смотрите, Павел Иванович, чтобы безо всяких там, бес в ребро и седина бороду, – предупредила Стужина. – У нас насчет служебных романов, интимных отношений строго. Личная жизнь только за стенами офиса, а здесь все знания и энергия должны быть нацелены на развитие бизнеса, приумножение прибыли, иначе конкуренты сожрут с удовольствием, освобождая для себя место под солнцем. Такие вот жесткие и, даже жестокие, законы рынка. Ладно, угощайтесь, кофе бодрит.

– Благодарю за гостеприимство, не ожидал теплого приема, – признался он и пригубил чашечку с приятным горячим напитком.

– Вас что же, страшит нагрузка, объем работы? – возвратилась она к прерванному разговору.

– Нет, что вы, мне трудолюбия, усидчивости не занимать, – поспешил он с объяснениями. – Вы же знаете, что милиция работает круглосуточно, а у сотрудников ненормированный день. В любое время суток могут поднять по тревоге, поэтому приходится ограничивать себя в житейских удовольствиях, пребывая в готовности. Довелось поработать во многих подразделениях и службах, участковым инспектором, оперуполномоченным угрозыска и УБОП, а в последнее время старшим следователем. Прошел, как принято говорить, свои «университеты».

К трудностям и опасностям, к железной дисциплине, от которой в экстремальных ситуациях зависит сохранность жизни товарищей, мне не привыкать. Ведь ошибка, беспечность, неосторожность могут стоить не только подрыва здоровья, но и жизни. Обидно, что за этот изматывающий, изнуряющий труд, за риск государство платит жалкие гроши. На Западе, в капстранах полисмен, коп в числе самых обеспеченных людей и в случае увечья или гибели семья получает огромную страховку. А я, майор милиции, стыдно в этом признаться, едва сводил концы с концами, одалживал у начальства, чтобы дотянуть до зарплаты.

– Да-а, это грустно, – посочувствовала Стужина, внимая ему.

– Конечно, каждый выживает, как может. Кое-кто из теперь уже бывших коллег, махнув на принципы о горячем сердце, холодной голове и чистых руках, злоупотребляет служебным положением, чтобы поправить свое материальное, – продолжил Лешук. – Но это на их совести, а я дорожу своей совестью и честью. Мне ведь тоже предлагали большие деньги в американской валюте, чтобы стал персональным адвокатом одной из ОПГ, отмазывал бы криминальных авторитетов, братвы и некоторых коррупционеров, но я категорически отказался.

– Приятно слышать. Я уважаю и ценю честных, смелых и принципиальных людей с чувством собственного достоинства, – поощрительно улыбнулась президент.

– Не могу ловчить и заниматься шантажом и вымогательством. От следователя зависит содержание обвинительного заключения, а значит и мера наказания преступника, срок приговора. Поэтому нашего брата, как и судей, адвокатов чаще всего заинтересованные в более-менее благополучном исходе уголовного дела подбивают на взятки и другие материальные ценности, квартиры, автомобили и прочее. Очень много соблазнов, не всякий человек может устоять перед искушением.

– Вы устояли перед искушениями?

– Если бы нет, то не сидел бы сейчас перед вами, не ушел бы с “доходного места”. А с чистыми руками работать, значит обрекать себя и семью на нищету. Опытные правоведа, юристы стремятся устроиться в коммерческие структуры топливно-энергетического комплекса, ликероводочных, табачных и прочих процветающих отраслей, либо по блату попасть на государственную службу, в органы законодательной, представительной или исполнительной власти. При нынешнем размахе коррупции, там кроме высокой зарплаты, а потом и пенсии, широкие возможности для злоупотреблений служебным положением, для обогащения и лоббирования своекорыстных коммерческих интересов.

Манипуляции с недвижимостью, объектами приватизации, а вернее прихватизации, земельными участками и, особенно, на побережье в том же поселке Эльтиген, не говоря уже о Южнобережье. И за эти услуги чиновники получают мзду. Поборы, взятки, подарки, которые простым смертным не снились. Ника Сергеевна, к сожалению, нам выпало жить в гнусное время мародеров и негодяев, засевших в структурах власти и действующих по принципу: после нас хоть потоп.

Уместно напомнить изречение: страшнее были времена, но не было подлее. Рыба, как известно, гниет с головы, поэтому нас, честных тружеников, не должны мучить угрызения совести, – с решительным видом и блеском в зрачках произнес Лешук. – Прошла эпоха революционного романтизма и трагизма, когда чекистов представляли с горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками. Железный Феликс, которого поэт-бунтарь Маяковский ставил в пример молодежи, канул в Лету, а его памятник, что на Лубянке перед зданием КГБ, а ныне

ФСБ, свезли на свалку истории. Нравы, критерии, приоритеты сменились: бывшие герои предстают в роли палачей, а их жертвы – в роли героев, борцов за свободу. Прав был великий Шекспир, утверждавший, что жизнь – это театр, а люди в нем актеры.

– Ой, Павел Иванович, оставьте политику, она мне чужда и неприятна, – призналась женщина. – Я живу по принципу: ни о чем никогда не жалеть и ничего не просить, чтобы быть независимой.

– Солидарен с вами, но политика – это тоже бизнес, но более прибыльный, чем экономический. Без политической «крыши», будь то депутата или чиновника, любой бизнес обречен. Олигарх или криминальный авторитет, что почти одно и то же, за мзду науськает, натравит на фирму своих головорезов или сотрудников фискальных ведомств, запугают коллектив и деловых партнеров, посулив им большие неприятности, парализуют работу, сожрут и приберут к рукам. По этой схеме многие предприниматели были, если не убиты, так разорены, а их имущество и активы попали в руки более могущественных конкурентов. Ныне из-за продажности, коррумпированности судей широкий размах получило рейдерство, заменившее примитивный рэкет, – нарисовал мрачную перспективу майор. – Не имея сильной поддержки, своих людей в структурах власти, невозможно выжить, развивать бизнес в условиях дикого, пещерного капитализма. Вам, Ника Сергеевна, для начала не помешал бы статус депутата городского совета, а когда обретете силу и вес, то можно побороться и за мандат крымского или украинского парламентов. Приходилось мне сталкиваться с некоторыми из vip-персон. Ходят кочетом, грудь-брюхо – колесом, пальцы – веером. Но, как только попадали ко мне на допрос и я их неопровержимыми доказательствами загонял в глухой угол, становились жалкими, предлагали взятку, валялись в ногах...

– Надеюсь, что этот опыт вам у нас не потребуется.

– Не скажите. А кто будет долги выбивать с упрямых партнеров?

– Пожалуй, вы правы. Есть несколько несговорчивых партнеров, которые неохотно расстаются с деньгами. Прокручивают их в банке вместо того, чтобы своевременно расплатиться с долгами за товары и услуги.

– Кто такие, я с ними живо разберусь?

– Фирмы «Троянда» и «Эдельвейс».

– Даю гарантию, что после моей воспитательной беседы они и другие партнеры будут согласны на предоплату, – пообещал Лещук.

– Предоплата, конечно, желательна, но все должно быть в рамках закона. Нам чужое не надо, – улыбнулась президент.

– Да, нам чужое не надо, но и своего не отдадим, – заверил он. – А активной политикой все-таки следует заняться не только для стремительного роста карьеры, но и прогресса бизнеса.

– Зачем мне лишние заботы и хлопоты? Встречи с избирателями, решение чужих конфликтов и проблем. У меня и без того дефицит времени, – посетовала Стужина. – Это элитный клуб для избранных и доступ туда строго ограничен.

– Бог с вами, Ника Сергеевна, какая элита? Там сплошь и рядом бандиты, крохоборы, уцелевшие в кровавых разборках и прихватившие в период бардака народное добро, недвижимость, прибыльные комбинаты, заводы, фабрики, землю. У каждого криминальное досье, которое потянет на 10-15 лет, а то и на «вышку». Уж я то на практике знаю, что представляют эти гаврики, олигархи с депутатскими мандатами, дорогой недвижимостью и валютными счетами за бугром.

К горькому сожалению, они пока что недоступны для следствия и Фемиды, так как нет на то политической воли. Поэтому царствует, жирует вместе с анемичным президентом-пасечником, заикленном на иконах, вышиванках и писанках, каста неприкасаемых. С них, алчных, коварных и лукавых, что с гуся вода. Их главная цель – власть, как средство карьеры и личного обогащения. Большинство из ее представителей, азартные игроки, шулеры с криминаль-

ным шлейфом. Однажды войдя во власть и вкусив ее блага и прелести, они зацепились за нее руками и ногами, как репей в овечий курдюк, чтобы под прикрытием лозунгов о всеобщем благе для народа лоббировать интересы, приумножая личный капитал.

– Павел Иванович, вы предлагаете вцепиться в курдюк и находиться в этой чуждой мне компании?

– Ника Сергеевна, вы же знаете, что деньги не пахнут, но, к сожалению, имеют досадное свойство быстро заканчиваться, поэтому никогда не бывают лишними, – напомнил посетитель. – Если вас не привлекает титул депутата, то могли бы продвинуть кого-нибудь из преданных сотрудников, и он бы активно лоббировал бизнес-интересы фирмы, не пришлось бы обивать пороги и унижаться перед чинушами, засевающих в органах исполнительной власти или в фискальных и правоохранительных ведомствах. До очередных выборов еще три года и у вас есть время поразмыслить над этим деловым предложением. Нынче все основано на капитале, не подмажешь, не поедешь...

– Спасибо, просветили, я подумаю над вашим предложением. Я не тщеславная, не алчная, знаю меру, сдержанная в потребностях, пока хватает средств для достойной человека жизни, – сообщила президент и усмехнулась. – А почему бы вам, Павел Иванович, не попытаться в политике счастья, не побороться за заветный мандат?

– Я не люблю проигрывать, и к аванюре не склонен, трезво соизмеряю свои силы и возможности, – вздохнул он. – Чтобы не потерпеть фиаско, надо быть популярной личностью, обладать харизмой, шармом, магией воздействия на людей. У меня, увы, нет ни капитала, ни шарма. К тому же, отношение к сотрудникам компетентных органов, к милиции у граждан недоверчивое, настороженное. Причем, на генетическом уровне еще с той далекой поры, когда «черные воронки» охотились за «врагами народа». А у вас, Ника Сергеевна, все данные не только для успешной бизнесвумена, но и будущего яркого политика – очарование, элегантность, ум, высокая культура и организаторские способности.

– Спасибо, Павел Иванович, за добрые слова. вы меня заинтриговали и я подумаю над вашим предложением. Хотя, на мой взгляд, политика – не женское дело, поскольку слишком грязное и опасное. Особенно в условиях Украины, где продолжается передел собственности и сфер влияния, раздираемой кланово-криминальными группировками.

– Не боги горшки обжигают, а риск – благородное дело, – обнадеживающе заметил Лещук. «Профессионал, прекрасно разбирается в ситуации. Грамотный, опытный, имеющий связи в правоохранительных органах, сумеет достойно постоять за интересы фирмы», – с удовлетворением подумала президент.

Неожиданно на тумбочке затрезвонил телефон прямой внутренней связи, действующей помимо приемной.

– Извините, Павел Иванович, не дают спокойно поговорить, – посетовала президент и поднесла к щеке трубку. Она, не перебивая, выслушала и властно заключила:

– Рэм Анисимович, никаких компромиссов и мягкотелости. Мы с вами живем не в Японии, где доверяют на слово и в случае нарушения обязательств делают себе харакири. Отправьте партию компьютеров только после стопроцентной предоплаты. Или вас горький опыт ничему не научил. Проявите твердость и станут больше уважать и ценить.

Она положила трубку и, сменив жесткий тон на мягкий, произнесла:

– Это мой заместитель, вице-президент по финансам Тяглый. Человек умный, надежный, но слишком интеллигентный, сердечный. Ему, порой, не хватает твердости в сотрудничестве с партнерами. Вы еще будете иметь возможность с ним познакомиться и, возможно, повлиять на его характер в положительную сторону. Имейте в виду и не настаивайте, Рэм Анисимович не пьет, у него гастрит.

По этой информации Лещук понял, что вопрос о его приеме на работу фактически решен положительно, иначе бы не шла речь о знакомстве с вице-президентом, а все ограничилось

бы собеседованием и сухой фразой: “Вы нам не подходите”. Да и продолжительность беседы, кофе, живой интерес, возможно и симпатия, которую она проявила к его личности, указывали на положительный исход. “А ведь она мне нравится не столько, как президент, а как женщина, очаровательная и умная,” – подумал он, припомнив позабытое, но не утратившее яркости эмоций чувство обладания желанной женщиной.

Стужина взглянула на него с каким-то затаенным любопытством и ему показалось, что прочитала его мысли и вожащенные желания. Он отвел взгляд, что с ним случалось весьма редко, ощутив гнетущую тишину от затянувшейся паузы. Президент взяла нить разговора в свои руки:

– Я ценю людей честных, принципиальных, равнодушных. Ваш богатый опыт работы в милиции, сохранившиеся связи, я не сомневаюсь, пригодятся в новом деле, на благо фирмы. С вашей юридической подготовкой и физической закалкой, вы вполне могли бы претендовать на должность, не только юрисконсульта, но и охранника, моего телохранителя. Нынче, не мне вам говорить, очень опасно заниматься бизнесом, коммерцией, много диких и нервных конкурентов и рэкет зверствует, стремясь взять под свою «крышу», чтобы получать дармовые деньги.

– Этот метод вымогательства мне хорошо известен. Десятка три рэкетиров отправил в места не столь отдаленные, – подтвердил он. – Вам следовало обзавестись опытным телохранителем.

– Но мне пока никто не угрожает, нет врагов и я не чувствую опасности, – возразила она. – Водитель Сеня Рябко одновременно выполняет функции телохранителя.

– Когда почувствуете угрозу или опасность, будет поздно. Киллеры не предупреждают, а действуют, причем решительно, дерзко с высокой гарантией, что заказ будет выполнен чисто без нежелательных осложнений и последствий для того, кто его оплатил.

– Будет вам, Павел Иванович, нагнали на меня страха, – из суеверия или по привычке она постучала кулачком по деревянной тумбочке.

– Я вполне серьезно, без всяких шуток, впрочем, поступайте, как считаете разумным, а то получается, что я набиваюсь в советники.

– У Рэма Анисимовича и у других сотрудников нет охраны и обходятся, не требуют, – успокаивая, скорее себя, заявила Стужина.

– Они другое дело, а вы – глава фирмы и в этом большая разница.

– Вы меня озадачили, я подумаю над вашими предостережениями, – пообещала женщина. – А почему не спрашиваете, каков профиль и чем занимается моя фирма?

– После того, как я прочитал объявление в газете и перед тем, как нанести визит, навел справки, узнал, что закрытое акционерное общество «Nika» занимается торгово-посредническими функциями и транспортными услугами по импорту и перевозкам офисного оборудования, компьютерной электронной техники, радио– телеаппаратуры, мобильных телефоном, аксессуаров и других промышленных товаров для реализации через разветвленную торговую сеть.

– О-о, чувствуется хватка следователя, – поощрительно улыбнулась женщина. – Это замечательно, никто не посмеет нас кинуть, либо подставить в хозяйственных делах.

– Не посмеет, ведь я придерживаюсь принципа: не зная броду – не лезь в воду. Он универсален для любого вида деятельности.

– Семь раз отмерь, а потом отрежь, – произнесла Стужина.

– Значит мы с вами, родственные души. Даже для первой встречи много совпадений, – подытожил Павел и поднялся с кресла. – Не смею больше злоупотреблять вашим гостеприимством и занимать драгоценное время. Приятно было с вами познакомиться и обменяться мнениями по широкому, как говорят политики, кругу вопросов и проблем.

– Мне тоже приятно,– она поднялась из-за стола и подала руку.– Рассчитываю на вашу добропорядочность. Завтра же приступайте к работе, входите в курс проблем и забот. Сегодня я подпишу приказ, думаю, что мы с вами сработаемся и подружимся.

–Так быстро? Вот не ожидал,– удивился майор.

– Зачем откладывать в долгий ящик, если фирме нужен профи.

– Да-а, верно, я и сам истосковался по настоящему делу,– воодушевился он. – Перебивался случайными заработками в адвокатуре. Но там величина гонорара зависит от сложности уголовного дела и личностей подсудимых. Крутые, денежные мешки на первоначальном этапе во время дознания отмазываются, на суд тянуть мелкоту и нищету, у которых нет средств оплатить услуги адвоката, поэтому назначают кого-нибудь в обязательном принудительном порядке, то есть, за бесплатно. Суд ведь по уголовному делу не может состояться, если не обеспечена, наряду с обвинением, другая сторона судебного процесса – защита. Именно в их состязательности, в предъявлении доказательств вины, ее подтверждении или опровержении выясняется истина.

– Мне это понятно, хотя я экономист по образованию, но изучала основы законодательства, особенно хозяйственного,– призналась Стужина и взглянула на золотые часики на тонком запястье, сверкнув бриллиантом на пальце правой руки, дав понять что аудиенция окончена.– Значит договорились. Я вас жду завтра.

– Искренне благодарен вам, Ника Сергеевна, за доверие,– без актерской фальши сказал он. – Завтра буду, как штык.

– В добрый путь, как говорится, большому кораблю большое плавание. У вас при таком богатом опыте прекрасные перспективы для карьеры. Ну ладно, не будем загадывать наперед, проявите себя с лучшей стороны и ваше усердие будет по достоинству оценено и обязательно материально вознаграждено.

– Благодарю за доброту и заботу,– склонил он голову и галантно поцеловал ее теплую руку, задержав немного дольше, чем того требовал этикет. По тому, как полыхнула жаром ее мягкая ладонь и пробежал трепет по изящной руке, майор понял, что за внешней неприступностью и строгостью скрывается очень чувственная и темпераментная женщина, способная своими хмельными чарами осчастливить мужчину.

– Павел Иванович, не забывайте, сюда может войти Наташа, она шустрая, как стрекоза,– прошептала Стужина, отнимая руку. Краска смущения полыхнула у нее на нежных щеках.

– Простите, великодушно, это от волнения и радости, я не ожидал, что все решится так быстро и благополучно. Очень вам признателный.

Он вышел, не оглянувшись. “Налетел, как вихрь, обворожил,– подумала женщина.– Но то, что он профессионал не вызывает сомнений. Что ж и по одежке он пришелся, и по уму. Поживем, поработаем и увидим каков Павел Иванович в деле.”

В кабинет стрекозой впорхнула Ласка, увидела взволнованное, зардевшее лицо начальницы и воскликнула:

– Что с вами, Ника Сергеевна? Не заболели ли, жар, а может, этот мрачный господин огорчил своим визитом и разговорами?

– Устала я, Наташа,– пожаловалась Стужина, достала из сумочки косметичку, открыла ее и слегка припудрила пылающие щеки. – Подготовь приказ о назначении господина Лещука Павла Ивановича на должность юрисконсульта. Считай, что нашего полку прибыло.

–Так он же мужчина? – удивилась Ласка.

– Запомни, милая, у нас в фирме и офисе нет мужчин и женщин, есть сотрудники,– произнесла Стужина.– Никаких различий по половому признаку. Любовные отношения, страсти, страдания и переживания, интриги, сплетни и козни – должны быть за стенами офиса. Вот тогда мы одна сплоченная команда и никакие финансовые кризисы нас не погубят.

– Дай вам Бог здоровья и счастья, Ника Сергеевна, мы за вами, как за каменной стеной! – театрально восхитилась Наташа с лукавым блеском в черных, как маслины, глазах.

2. Ревность или прагматизм?

Неожиданно на пороге кабинета появился вице-президент Тяглый. Обычно, прежде чем побеспокоить Стужину, он связывался с ней по прямому, минуя приемную, телефону и просил разрешения войти для обсуждения той или иной проблемы. На сей раз, изменил этому правилу. Ласка даже не успела предупредить президента о его странном поведении и вторжении.

– Ника Сергеевна, извините, но это не лезет ни в какие ворота?! – запальчиво воскликнул он с лихорадочным блеском глаз и красным, словно фонарь, лицом.

– В какие ворота, Рэм Анисимович? О чем вы? – удивилась Стужина.

– Ника Сергеевна, голубушка, – смягчил он тон.

– Голубушка? Это что-то новое. Прежде вы меня так не называли, ласковое слово не выдавишь. Настоящий аскет.

– Извините, невольно сорвалось, – смутился Тяглый и продолжил. – Раньше я не вмешивался в кадровую политику. Тем более, что вопросы по приему новых специалистов решались коллегиально на заседаниях правления. А теперь вы собираетесь без ведома и мнения членов нашей команды принять на должность юрисконсульта старшего следователя милиции. Как это прикажите понимать?

– Рэм Анисимович, успокойтесь, не нагнетайте эмоции, охладите свой пыл, – она налила в стакан минеральную воду и подала ему. – Я уже фактически приняла в фирму бывшего следователя, майора милиции Лещука Павла Ивановича. Завтра состоится его представление коллективу.

– Что вы торопитесь, как на пожар или голая в баню, – сделав пару глотков, безапелляционно прервал ее вице-президент.

– Прошу выбирать слова, следите за своей речью, – обиделась женщина. Он, пропустив замечание, продолжил:

– Любезная Ника Сергеевна, бывших следователей, как и разведчиков, шпионов, не бывает. Это все равно, как черного кобеля не отмоешь добела. Можно считать патологией. Прежде, чем принять его на работу, вы обязаны были тщательно изучить его досье, служебную характеристику, поинтересоваться отзывами его коллег. Не исключено, что его турнули изгнали из милиции за злоупотребления служебным положением, за пьянство, аморалку или другие прегрешения?

– Не будьте наивным человеком, – усмехнулась Стужина. – Кто мне даст его личное дело, досье, что под грифом «секретно»? Если мы никого из своих сотрудников не афишируем, то в милиции, где все построено на приказах, инструкциях, субординации, и подавно. Кстати, кто вам донес о моем решении? Кроме меня и Ласки никто об этом не знал?

Спросила, отлично понимая, что Наташа не удержала язык за зубами.

– Не важно, кто? Увидел в офисе незнакомца и сразу догадался.

– Так вы экстрасенс, ясновидец. Поздравляю!

– Интуиция, проницательность, расчет, – смутившись, промолвил он, перейдя в наступление. – Ника Сергеевна, нельзя исключить и такой вариант, что высокие чины из спецслужб с дальним прицелом внедряют в нашу фирму этого Лещука, чтобы впоследствии сместить вас с должности президента, а затем и всю нашу команду выставить за ворота. Либо заставить делиться с ними прибылью.

Поди, не забыли очень поучительный миф о троянском коне? Сейчас очень широко практикуются рейдерство и крышевание коммерческих фирм не только криминалитетом, но и пра-

воохранительными органами. Установит в фирме полицейский режим. Хитрость и коварство неистребимы.

–Рэм Анисимович, не фантазируйте и не преувеличивайте риски. У страха глаза велики, – усмехнулась президент и велела.– Завтра же подготовьте для юрисконсульта Павла Ивановича Лещука все материалы по нашим злостным должникам.

–Как вам угодно, госпожа Стужина, – сухо, не скрывая обиды, ответил Тяглый. – Все же имейте в виду, что при хроническом дефиците финансирования из госбюджета блюстители вынуждены откуда-то брать средства на красивую жизнь? Сейчас очень широко практикуются рейдерство и крышевание коммерческих фирм не только криминалитетом, но и правоохранительными органами. При хроническом дефиците финансирования из госбюджета им же надо откуда-то брать средства на красивую жизнь? Ника Сергеевна, и все же, несмотря на мое нежное отношения, вы превысили свои полномочия. Фирма, хотя и названа вашим именем, не является частной лавочкой. Мне и другим сотрудникам не безразлично кого вы принимаете на работу. Я буду инициировать экстренное заседание правления. Уверен, что меня поддержат Крот, Бабей, Дробицкий и другие принципиальные сотрудники.

– Значит ультиматум, бунт на корабле?

– Так должно быть для исключения ошибок в подборе кадров.

– Эх, Рэм Анисимович, у вас генетически проявился синдром сталинизма, когда вокруг были одни шпионы, враги народа и сексоты, – упрекнула она. – Чрезмерная бдительность порождает атмосферу подозрительности, недоверия, сковывает творческую инициативу, стимулирует регресс. После беседы с Павлом Ивановичем я убедилась в искренности его намерений. Он грамотный и опытный специалист в области юриспруденции.

– Вы, сама того не ведая, запускаете в фирму «крота», который будет сливать конфиденциальную информацию компетентным органам. Нам достаточно своего Крота, бездельника, – не уступал вице-президент.

–Наоборот, присутствие в нашем составе офицера милиции укрепит позиции фирмы в бизнесе, сделает наших деловых партнеров более ответственными за выполнение договоров, контрактов. Если же Лещук не подойдет к нашему двору, не сможет адаптироваться, то разорвем с ним трудовые отношения. Впрочем, это крайняя мера. Я уверена, что этого не случится.

–Блажен, кто верует, – вздохнул Тяглый, все еще обуреваемый сомнениями.

– Рэм Анисимович, дорогой, уважаемый коллега, я все отлично понимаю, – ласково улыбнулась и с теплотой произнесла Ника Сергеевна. – Какой мужчина потерпит рядом с собой сильную личность, конкурента, способного подсидеть? Не волнуйтесь, лично вам это не грозит. Я все помню и высоко ценю заслуги тех, кто стоял у истоков создания и развития фирмы. Пока я президент должность президента пожизненно останется за вами, если, конечно, не решите попытать счастья не только в бизнесе, но и в политике.

– Спасибо, искренне признателен. Только не подумайте, что я встревожен по поводу личной перспективы, – признался Тяглый. – По мнению психиатров, природа женщины такова, что ей присущи эмоциональность, излишняя доверчивость и жалость. Часто руководствуется не разумом, а чувствами, поэтому и совершает нелепые поступки и ошибки.

– А некоторые мужчины чрезмерно осторожны, консервативны и поэтому плетутся в хвосте событий, постоянно опаздывают, – не осталась она в долгу. – Рассчитываю на то, что вы в ближайшее время близко познакомитесь с Павлом Ивановичем, по достоинству оцените его способности, подружитесь ради благополучия и процветания нашей фирмы.

– Постараюсь. Но, если он закладывает за воротник, то тогда ему по пути с Кротом и Хребцом и другими любителями застолий. Вот увидите, едва этот следователь засядет в фирме, то сразу же потянет за собой родню, жену, детей, друзей-корешей, чтобы сколотить команду союзников и овладеть рычагами правления. Сядут на нашу шею нахлебники, – спрогнозировал и предупредил вице-президент.

– Лешук холост, одинок, поэтому семейственность, кумовство исключены.

– Тем хуже, – озадачился Тяглый.

– Почему хуже? Наоборот, Павел Иванович при наличии свободного времени больше внимания будет уделять исполнению своих служебных обязанностей, взысканию долгов с партнеров.

– Потому, – хмуро ответил он. Стужина поняла, что в нем проснулась ревность к потенциальному сопернику. Для нее не было тайной, что Рэм Анисимович, еще до того, как стать вдовцом, симпатизировал ей и ныне вздыхает о безответной, неразделенной любви. Отчасти этим она объясняла мотивы его сопротивления появлению в офисе потенциального соперника.

– Рэм Анисимович, так что вы решили по поводу сбора правления и публичной порки президента? – нарушила она паузы.

– Подумаю, – неуверенно произнес Тяглый, осознающий ее правоту и склонный к компромиссу. Из его уст невольно прозвучало:

– Ника Сергеевна, признайтесь, что вы на Лешука имеете виды?

– Коллега, не заговаривайтесь. Я не обязана давать отчет о своих симпатиях и антипатиях и другим сугубо личным, интимным вопросам, – резко оборвала она, поднявшись с кресла.

– Простите, это действительно, ваше личное дело, но вы же догадываетесь, знаете о моих чувствах к вам...

Стужина сочла свернуть эту тему, а он понял, что разговор окончен. Поднялся и тяжелой походкой вышел из кабинета. «Похоже, в тихом болоте черти проснулись. Рэм Анисимович не оставляет тщетных попыток завладеть мое сердце, им овладела ревность», – подумала женщина со смешанными чувствами тревоги и удовлетворения, что еще способна волновать мужские сердца.

3. Первая премия

На презентации по поводу вступления в должность Лешук, действительно, был, как штык – стройный с военной выправкой, в тщательно выглаженных брюках, в белой сорочке с красным шелковым галстуком, над узлом которого колдовал минут двадцать, в черном костюме, приобретенном на денежный резерв. Короткая прическа, старательно выбритое лицо и стальной блеск серых глаз. На ногах модные кожаные со скошенными мысами черные туфли. Его можно сравнить с медным пятак, но Павел Иванович предпочитал более солидный эпитет – штык.

Впечатление он на сотрудников произвел, настоящий фурор. Особенно на вице-президента Рэма Анисимовича Тягло, интуитивно почувствовавшего в нем достойного соперника и возможное осложнение в отношениях, в четко налаженном, как часовой механизм, работе фирмы.

А информация Стужиной о том, что юрисконсульт в недавнем прошлом старший следователь и майор милиции, хотя Наташа кое-кому из подруг успела об этом сообщить ранее, вызвала легкое замешательство. К блюстителям правопорядка здесь относились не то чтобы настороженно, а даже неприязненно. Многие заподозрили в нем информатора, полагая, что президент специально приняла его в фирму для обеспечения внутренней разведки и коммерческой безопасности. Из УВД нередко наведывались ходоки, офицеры в милицейской форме и предлагали в добровольно-принудительном порядке перечислить денежный взнос в благотворительный фонд «Правопорядок».

Чаще всего с такими посланцами приходилось иметь дело вице-президенту, куда дипломатично их направляла Стужина. «И вот на тебе, появился свой мент, – с досадой подумал Тяглый. – Угораздило же, Нику Сергеевну, не посоветовавшись, принять его в нашу команду. Ну ладно, поживем-увидим, что за фрукт, этот комиссар Мегрэ? Может и неплохой человек, не

бездельник, а полезный для фирмы специалист. Наведет шороху, приструнит недобросовестных партнеров”.

Между тем президент зачитала приказ о назначении Лешука на должность юрисконсульта и вручила добротный кожаный портфель, футляр с авторучкой и портмоне для денег, пожелав:

– Пусть в портфеле будет поменьше дел, а в портмоне и на банковском счету побольше денег: долларов, евро, российских рублей высокого номинала. Желаю вам, Павел Иванович, только побед в суде и счастья в личной жизни. Так держать, господин майор!.

Пока звучал женский голос Лешук замер по стойке «смирно!», а потом галантно склонил голову и четко ответил:

– Готов и впредь верой и правдой служить фирме «Nika» и ее прекрасному, очаровательному президенту!

Последние слова, а точнее, комплимент, он произнес с нескрываемой нежностью, чем смутил Стужину. А сотрудники, особенно женщины, ощутили первые признаки, прелюдию бурного служебного романа. Чтобы сгладить неловкость, юрисконсульт обрел прежний суровый вид.

– Павел Иванович, странный вы человек, почему не радуетесь? Я бы на вашем месте подпрыгивал до потолка, танцевал гопака в красных казацких шароварах, – посетовал профсоюзный босс Вениамин Яковлевич Крот, осанистый ветеран с блестящей, как бильярдный шар головой и выпирающим из модного, малинового цвета, костюма, животом, который считал своим «трудовым мозолем».

– Я вам не горный козел, архар или муфлон, чтобы скакать по скалам и умиляться от телячьего восторга, – отмахнулся Лешук.

– Такому шикарному портфелю министр, нардеп, банкир и прочие чиновники бы позавидовали, – не унимался ветеран. – Уникальный экземпляр из крокодиловой кожи и с кодовыми замками. Будете хранить документы и валюту. Никто, кроме хозяина не сможет открыть.

– Если сейфы срывают с фундамента и уносят, то портфель и подавно, – отрезвил Крота юрисконсульт, а тот продолжил:

– Мы с Никой Сергеевной в столице все супермаркеты облазили, пока разыскали этот экземпляр. Мне такой подарок в ваши годы присниться не мог. Помню за дерматиновыми, из кожаменителей и пластмассовыми «дипломатами», когда они вошли в моду, в очередях давились, по благу доставали...

– Портфель достоин своего обладателя, – подтвердила Стужина, прервав воспоминания аксакала комсомола, партии и профсоюза в одном лице. – За выигранные дела в Арбитражном или Хозяйственном суде обещаю Павлу Ивановичу ноутбук. Уверена, что члены правления нашей фирмы не станут возражать? Переносной компьютер ему нужен не для престижности, имиджа, а для работы, чтобы банк данных ценной информации всегда был под рукой.

– Ника Сергеевна, на вашем месте не торопился бы с награждениями и благодарностями, надо экономить оборотные средства, – хмуро заметил Тяглый. – Не уподобляйтесь президенту Украины, который налево и направо раздает звания, ордена и медали своим приближенным лизоблюдам и олигархам за мзду и преданность. Хотя дурной пример и заразителен, но в таком случае происходит девальвация награды, она утрачивает значение, как стимул к плодотворному труду.

– Рэм Анисимович, вот когда будете на моем месте, тогда и займетесь жесткой экономией, а я на полезные дела скупиться не стану, – резко возразила Стужина и чуть мягче продолжила. – По труду должна быть и честь. Павел Иванович заслужил такое внимание. Рэм Анисимович, вы же знаете, как я высоко ценю ваше мнение, но в этом случае вы не правы. Для юрисконсульта ноутбук – не предмет роскоши, а очень необходимая для работы вещь.

Во-первых, он послужит банком данных, источником ценной, оперативной информации, а во-вторых, – атрибутом престижности и солидности, ведь человека встречают по одежке, а провожают по уму. У господина Лещука с первым и, особенно вторым, все в порядке. Как у известных торговых марок есть свое лицо, Павел Иванович станет лицом нашей фирмы.

– Я категорически не согласен! Не слишком ли много чести? – решительно возразил Тяглый. – Не успел переступить порог и он уже лицо, бренд, пуп земли. Да еще в милицеской форме, которая спровоцирует недоверие у партнеров. Ника Сергеевна – вы и только вы прекрасное лицо нашей фирмы. По красоте, магии очарования не уступаете юным топ-моделям, рекламирующим женскую одежду и обувь, аксессуарам, средствам парфюмерии и косметике. Павлу Ивановичу с его суровым обликом милиционера в самый раз рекламировать оружие, бронежилеты, наручники и другие инструменты насилия.

– Ника Сергеевна, только вы – создательница нашей фирмы являетесь ее лицом, торговой маркой, – поддержала вице-президента начальник финотдела Тамара Львовна Бабей. – Юрисконсульт, вы только Павел Иванович, не обижайтесь, в фирме без года неделя, пусть хотя бы поработает годков пять и покажет на что способен. Тогда мы его оценим по достоинству, а не авансом.

– Тамара Львовна, особенно Рэм Анисимович, за комплимент спасибо. От вас редко услышишь ласковое слово, – улыбнулась Стужина, вогнав вице-президента в краску. – У Лещука – мужественное лицо, на тупого держиморду он не похож, к тому же успешно защищает интересы нашей фирмы и вполне может стать лицом ТМ.

– Признателен за доверие, Ника Сергеевна, но следовательно, пусть и бывшему, не пристало красоваться на бигбордах и этикетках товаров. – Я думаю, что у Тяглого с его жирным обликом и непомерным чувством зависти лучше получиться. Вы ведь заметили, что на бигбордах, сплошь и рядом, сытые и лукавые морды политиков-аферистов.

– Ладно, не ссорьтесь. Лицом ТМ предлагаю стать Наташе Ласке, – нашла выход президент. – Создадим видеоклип, ведь удачная реклама – это двигатель торговли.

– У нашей красотки Натальи, тогда от женихов отбоя не будет, сразу выскочит замуж, – предположил Крот.

– За первого встречного не выскочу, я себе цену знаю, – ответила Ласка, довольная тем, что выбор пал на нее. – Дождусь своего принца на белом коне, лучше – дорогой иномарке.

– Дождешься, дождешься, только избегай сладких соблазнов, не растрачивай свою красоту и молодость по пустякам, – велела Стужина и обернулась к Тяглому. – Убедила насчет ноутбука для Павла Ивановича?

– Пожалуй, да. Ваша логика, в отличие от того, что большинство женщин алогичны, поскольку у них чувства доминируют над разумом, безупречна, – польстил вице-президент. – Я бы тоже хотел иметь ноутбук. По рангу, служебной субординации положено.

– Рэм Анисимович, не капризничайте, у вас же есть настольный компьютер с плазменным монитором. К тому же, вы сугубо кабинетный работник, а Павел Иванович постоянно в движении. Он фактически является представителем фирмы в судах разных инстанций и должен быть вооружен не только ноутбуком, но и цифровым фотоаппаратом.

– Фигаро тут, Фигаро – там, – пропел, усмехнувшись Тяглый.

– Прошу не ехидничать, язва хроническая, – осадил его Лещук. – Я в слуги не нанимался и подчиняюсь только президенту фирмы.

– Вы ошиблись в диагнозе, у меня гастрит, – отозвался Тяглый.

– Не огорчайтесь, из-за патологической жадности еще наживете язву и грыжу, станете хроником, а это хуже, чем быть алкоголиком, – предрек печальную перспективу Лещук. Он смерил вице-президента суровым взглядом, словно подследственного в камере ИВС для допросов. под его пронизательным и острым, как рапира, взглядом Рэм Анисимович невольно передернул покатыми плечами.

Пристыженный вице-президент покорно опустил лобастую, как у Сократа, голову, поняв, что теперь на пальму первенства претендует варяг. Он лишь утешился мыслями: «Чем черт не шутит. Может, когда-нибудь и стану президентом. Все в этом грешном мире непредсказуемо и управляется свыше. Человек, распираемый гордостью, возомнил, что он царь природы, а на самом деле – заложник случайных обстоятельств и ситуаций, живет в вакууме розовых мечтаний и иллюзий».

– Не станем, не станем возражать против Лешука! – донеслось со всех сторон и Стужина продолжила. – Павел Иванович с его богатым юридическим опытом и деловой хваткой настоящий клад для фирмы.

– Благодарю вас, Ника Сергеевна, но не надо жертв, расточительства. Я не крохобор, чтобы обирать фирму, – скромно опустил он взор. – Сочтемся славою, ведь мы свои же люди. Хотя любой подарок из ваших прекрасных рук подобен сокровищу. В этом признании в мягкой тональности голоса сотрудники ощутили большее, чем традиционная благодарность. Мужчины смущенно потупили взоры, женщины загадочно и многозначительно переглянулись. Наступила неловкая пауза, ее нарушил Крот:

– Чтобы портфелю не было износа и в нем постоянно водилась валюта, подарок следует обмыть, как полагается... Эх, золотое было времечко, все подряд обмывали и юбилеи, и должности, и премии, уважительный повод всегда находился. Эхма-а!

– Да, конечно, дамы и господа, – воспрянул духом Лешук. – За этим дело не станет. Не будем нарушать славную традицию. Пошлем гонца за ящиком винца, коньяка или водки, накроем стол и закатим пир.

Он достал из кармана стодолларовую купюру, выискивая добровольцев на поход в магазин.

– Нет, нет! – воспротивилась Стужина. – Оставьте эту самодеятельность, Павел Иванович. У нас сухой закон, ни грамма спиртного. В офисе никаких фуршетов, банкетов и шведских столов, только соки, кофе, чай и минеральная вода... Здоровый образ жизни – залог прогресса.

– Ника Сергеевна, милый наш президент, в качестве исключения, единственный и последний раз? – попросил юрисконсульт и двинул аргумент. – Поймите меня правильно, получается некрасиво, схватил дорогой подарок и в кусты, словно жлоб. В милиции мы часто обмывали звания, звезды, медали и видите не спился., жив, здоров, чего и вам желаю.

– Нет и нет! Я знаю, что исключения часто превращаются в норму, в традицию. Не хочу, чтобы после застолий сотрудники стали пациентами нарколога. Только вне рабочего времени и за пределами офиса, – твердо заявила Стужина и Лешуку показалось, что от нее, как от снежной королевы, повеяло холодом.

– Вот такие пироги, – он развел руками, ища сочувствия у коллег.

– Не тужи казак, атаманом станешь, – усмехнулся профсоюзный деятель советской закалки и добавил. – Целее деньги будут и через пару лет купишь крутую тачку. Бери пример с Тяглого, пей козье молоко для повышения потенции и минералку, особенно «Миргородскую» и «Нарзан» и будешь здоров, как бык, сто лет проживешь. Возвратишься на службу в МВД и выбьешься в генералы. Лампасы и с золотым шитьем погоны любого мужчину украсят, от баб отбоя не будет, прохода не дадут.

– Эх, Вениамин Яковлевич, вам бы в церкви служить, умеете вы напустить розовый туман или черную тень на плетень, – вздохнул юрисконсульт и, с невыразимой тоской поглядев на Нику Сергеевну, заявил. – Коль вы не хотите разделить мою радость, то я отказываюсь от подарка.

– Павел Иванович, ультиматум ни к месту, но я ценю вашу настойчивость и поэтому делаю исключение, в первый и последний раз, – произнесла она, одарив его улыбкой.

– Браво, виват, президент, вы – чудесная женщина! Но пасаран! Наши конкуренты не пройдут!– воскликнул юрисконсульт и попытался ее обнять, но Стужина испуганно отпрянула в сторону.

Все дружно зааплодировали и тут же в конференц-зале офиса был организован шведский стол с шампанским и бутербродами. Павел Иванович, не ожидавший столь торжественного и теплого приема, был доволен, доброжелателен, весел и остроумен, рассказывал анекдоты на милицейские темы, осторожно избегая пошлостей. Решил наладить контакт с вице-президентом. Видя, что тот почему-то скромничает, подошел с бокалом шампанского. Тяглый обратил на него свое лицо с печальными глазами и обвисшими, словно у Тараса Бульбы, усами.

– Рэм Анисимович, не будьте бякой, давайте вздрогнем за успех и активное сотрудничество,– предложил юрисконсульт стандартный тост, не претендуя на оригинальность.

–Извините, Павел Иванович, но я не пью,– виновато произнес Тяглый. – Не желаю спровоцировать цирроз печени или рак.

– Совсем что ль? Хотя бы глоток за солидарность. Спирт убивает любую микробу, вирус, в том числе и треклятый рак. Не волнуйтесь, если на роду написано, то проживете до ста лет.

– С радостью бы, но здоровье и статус не позволяют. Не искушайте, – попросил он и предложил.– Не искушайте, предложите Вениамину Яковлевичу, он большой любитель заложить за воротник, – посоветовал вице-президент. – Сойдетесь, у него советская закалка и горло луженое, всегда за воротник заложить рад. По комсомольской, а потом по партийной линии дорос до председателя профкома свиноводческого треста и по совместительству охотно исполнял роль тамады на банкетах и фуршетах. Незаменимый для таких мероприятий спец. В людях и свиньях разбирается.

С ним вы быстро найдете общий язык и интересы, а у меня другие приоритеты: работа, ответственность, здоровый образ жизни. Вы споетесь с профсоюзным деятелем. А у меня куча, нет гора, неотложных дел. Впрочем, и вас ждет не меньше, за время вакансии накопилось много нерешенных юридических проблем. Поэтому мой вам официальный и дружеский совет, не слишком увлекайтесь спиртным. Это пристрастие к добру не доведет, а репутацию фирмы подмочит. И офису ни к чему дурная слава кабака-забегаловки и притона.

– Рэм Анисимович, вы в какой эпохе живете? – обескуражил Тяглого неожиданным вопросом Лещук и сам же ответил. – У нас давно нет страны Советов и поэтому каждый живет своим умом. Ваше пожелание я принял к сведению и не более.

– Не забывайте, я ведь вице-президент, заместитель Стужиной и вы обязаны выполнять мои распоряжения, – напомнил Тяглый о табели о рангах и служебной субординации.

– Не слишком упивайтесь властью и не обольщайтесь, – заметил сурово юрисконсульт. – У меня один командир – Ника Сергеевна и я подчиняюсь ей напрямую, без посредников. Она – мой работодатель, а вы такой же клерк, как и я. Поэтому, Рэм, не надувайте щеки, не пускайте слюну и не суетитесь, если не хотите осложнений и неприятностей. Я – человек решительный, по знаку Зодиака овен, упрямый, как вол.

– Павел Иванович, должен быть порядок, субординация, иначе хорошей каши не сварим, – заметил вице-президент.

– Я в кашевары, в шеф-повара к вам не нанимался и мальчика на побегушках не позволю из себя делать, – сурово произнес Лещук. – Я – бывший следователь, а в данном случае, юрисконсульт, и привык к тому, что независим в своих действиях. Для меня бог и царь УК и УПК. Не суйте свой шнобель и рыжие усы в чужие дела. Только Ника Сергеевна вправе давать мне указания, ее слово для меня – закон, а остальное воспринимаю, как рекомендации, полезные или абсурдные советы.

– При такой странной позиции, Павел Иванович, нам нелегко будет найти общий язык для преодоления трудностей.

– Мне к ним не привыкать! – с оптимизмом заверил юрисконсульт. – Бывали и покруче ситуации, когда грудью шел на бандитские пули и ножи. Так что, мой милый, не советую набиваться в генералы и мною помыкать. Я прошел огонь, воду и медные трубы... Таким бандюгам рога обламывал, что вам и не снилось.

Вице-президент, глубоко задумавшись, промолчал. Вытер платком вспотевший затылок. Лещук, держа в одной руке рюмку, а в другой – бутылку с коньяком, подошел к профбоссу.

– Пал Иваныч, только не подумай, что я алкоголик, пью только за компанию из чувства солидарности, во славу русской традиции и для поднятия тонуса, – угадав его намерение, признался Крот и пояснил. – Алкоголик пьет в одиночку и чаще всего без повода. А для меня не столько важен напиток, сколько возможность выдать на-гора оригинальный тост и рассказать о важной роли профсоюзов в контексте революционного и национально-освободительного движения. Ну, давайте за ваш успех, за боевое крещение. Товарищ майор, во всем и всегда поддерживайте мою тактику и стратегию и будете при деньгах, славе, а значит и красивых женщинах. Они, словно мухи на мед, липнут к тем, кто знаменит и богат. Почетные грамоты, дипломы, звания, портрет на Доске почета, премии, ценные подарки, путевки в санатории я тебе гарантирую. Лет через десять-пятнадцать, когда совсем состарюсь и одолеет маразм, уступлю тебе свой исключительно важный пост.

– Лады, но вас еще лет на двадцать хватит. За доверие благодарю, вот только почетные грамоты, дипломы и Доску почета исключите. Стены что ли ими оклеивать вместо обоев? – усмехнулся юрисконсульт.

– Не скажи, это моральные стимулы, – возразил ветеран. – По мне так они дороже любых денег, валюты и драгоценностей. Я все свои дипломы, грамоты, алые ленты, знаки победителя соцсоревнований, ударника пятилеток, коммунистического труда, юбилейные медали берегу, как зеницу ока. Передам по наследству своим детям, внукам и правнукам, чтобы гордились своим отцом и дедом, активистом и ветераном профсоюзного движения – школы коммунизма.

– Они будут гордиться, если вы им подарите или завещаете квартиру, дачу, иномарку, яхту, валюту и другие материальные ценности, а не бумажки и брошки. Теперь иные времена и нравы, а вы продолжаете жить в мире розовых иллюзий о светлом будущем, – укорил его Лещук. – Ностальгия – забавное явление.

– Пал Иваныч, вы только с виду аполитичны, а сами льете воду на мельницу буржуазии, потакаете эксплуататорам. Я по профсоюзной линии займусь вашим идеологическим воспитанием. Добьюсь такого момента, что сами изъявите желание вступить в компартию.

– Поздно, поезд ушел, пустая трата времени. Настоящие коммунисты погибли в годы войны, а нынешние превратились в конформистов, – усмехнулся юрисконсульт и напомнил. – Рюмка – не микрофон. Пора вздрогнуть, а то рука хрусталь держать устала.

Сдвинули, осушили рюмки, закусили бутербродами.

– Вениамин Яковлевич, наблюдаю и не могу понять, чем вы в фирме занимаетесь? – с иронией поинтересовался Павел Иванович.

– Как чем? – обиделся Крот, поставил на стол рюмку и принялся загибать пальцы на руке. – Куча, нет гора забот: техника безопасности, противопожарная охрана, делопроизводство, воспитание кадров, организация и проведение торжественных и траурных мероприятий....

– Хватит, достаточно, – остановил его юрисконсульт. – Все ясно, широкое поле, нет огромный полигон деятельности, универсал.

Наполнил рюмки коньяком и предложил:

– Выпьем за незаменимых специалистов, столпов фирмы.

– Да, на мне фирма держится, – заявил охмелевший профвожак.

– А как же президент, Ника Сергеевна?

– Она в роли английской королевы, блеска, шума много, а пользы с гулькин нос. Действует по принципу: не высовываться и как бы чего не вышло. Слишком осторожная, а следует работать локтями. Верно говорят, в стае быть по волчьим выть. Пока живем не по законам, а понятиям, надо и вести адекватно, ведь клин клином выбивают,— наклонившись к уху, прошептал Крот. – Только ты ей об этом не говори, а то вдруг обидится и вытурит меня. Вот, если бы я был президентом, то развернулся бы на полную мощь и все жили бы, как у Бога за пазухой.

– У Бога, но вы же воинствующий атеист?

– Из песен, поговорок слов не выкинешь, – посетовал Крот и охотно следом за Лещуком осушил рюмку.

– Что собой представляет Рэм Анисимович? – продолжил извлекать информацию юрисконсульт.

– А-а, пустое место, белая ворона. Наловчился жонглировать цифрами и бравировать тем, что у него гастрит и он не пьет. Наверное, втихую водку и коньяк хлещет, а перед Стужиной рисуется, как трезвенник. Он тайно в нее влюблен, но признаться, сделать ей предложение не хватает духу, слаб в коленках, не умеет брать «крепости».

– Вот как! Для меня это открытие, – удивился Павел Иванович появлению тайного соперника.

– Ура, товарищи! – неожиданно, словно на митинге или первомайской демонстрации, вспомнив золотые годы своей карьеры, бросил клич изрядно опьяневший Крот. – Ура, господа! Виват Лещуку!

Но коллеги не поддержали его служебного рвения и он стушевался, сник, поняв, что теперь никто горло задарма рвать не станет.

– Вениамин, наш саксаул, нет аксакал, успокойся, ты не на митинге, – охладил его пыл юрисконсульт.

Товарищ Крот – добродушный, круглолицый мужчина пенсионного возраста, с облысевшей и блестящей, как бильярдный шар головой, с гофрированной «гармошкой» морщин на лбу и «мешками» под глазами, оказался охоч до подобных мероприятий. Такие разительные перемены в своем облике он объяснял глубокой и напряженной мыслительной деятельностью, тепловым дисбалансом между мозгом, его корой и внешней средой. Вениамин Яковлевич был убежден в том, что умную голову волос рано покидает и сетовал на то, что до сих пор современники не оценили его феноменальные способности. Но это не мешало ему с удовольствием осушить бокал, закусив бутербродом с черной икрой. С меткого глаза и легкой руки Лещука Крот в тот день за свое ортодоксальное мышление удостоился прозвища Динозавр. Фуршет продолжался не более часа, отведенного на обеденный перерыв.

– Итак, коллеги, друзья, господа нашего полку прибыло,—заклчила Стужина.—Еще раз, Павел Иванович, желаем вам плодотворной работы, удачи на новом месте и служебной карьеры. А теперь, господа и леди, как говорится, пора и честь знать, делу – время, а потехе – час.

Все, послушные команде, разошлись по своим кабинетам. Юрисконсульт тоже принялся обживать уютный, отделанный под евростандарт кабинет с новой офисной мебелью и оборудованием, компьютером, принтером и сканером, расположенный на четвертом этаже в десяти шагах от приемной президента.

И потекли будни рабочие. Обладая аналитическим складом ума, способностью систематизировать и обобщать факты, Павел Иванович быстро разобрался во всех хитросплетениях торговой посреднической деятельности «Nika», в сути хозяйственных связей с партнерами, изучив каждого из них в отдельности и выявив уязвимые места. Вскоре сотрудники убедились в бесспорных достоинствах приобретения, отдавая должное уму, прозорливости Стужиной.

Прознав о том, что в фирме трудится бывший старший следователь, майор милиции, ранее неуступчивые должники посчитали благоразумным побыстрее рассчитаться, чтобы не

навлечь на себя неприятностей. И на счет фирмы потекли деньги. С теми, кто не отреагировал на предостережения пригрозил разобраться через арбитражный суд, где имел неплохие связи. Таким способом у МЧП «Троянда» он отсудил в пользу «Ника» 450 тысяч рублей, и отбил иск, претензию фирмы «Эдельвейс» на 200 тысяч рублей. Довольная таким поворотом событий, Ника Сергеевна издала приказ о поощрении юрисконсульта денежной премией в размере должностного оклада эквивалентного 800 долларам США, чем вызвала неудовольствие Тягло, дрожавшего над каждой копеейкой.

От ноутбука Лешук пока отказался, решив не форсировать события. Вручая конверт в присутствии нескольких сотрудников, президент с очаровательной улыбкой произнесла:

– Хотя одна ласточка, пусть даже и первая, погоды не делает, но все же это добрая примета, многообещающее начало в делах Павла Ивановича. Поэтому премия вполне заслуженная и я, полагаю, что не последняя. Желаю удачи в работе и личной жизни!

Он галантно, слегка склонив голову, и с иронией произнес в тон пребывающей в веселом настроении Стужиной:

– И остальные, и не только ласточки, но и скворцы, грачи и другие пернатые прилетят. Под вашим мудрым руководством, Ника Сергеевна, можно и горы своротить. Вы вдохновляете на ударный труд и высокие показатели. Виват президенту, но не страны, а нашей прекрасной фирмы!

– Пусть горы, в том числе и Крымские, остаются целыми и величественными, – улыбнулась женщина, уловив на себе его нежный взгляд. – Но в успехе, при вашей деловой хватке и усердии, я не сомневаюсь.

– Это событие, первую премию, полагается обмыть, чтобы не заржавела и за ней последовала очередная, – предложил юрисконсульт.

– В свободное от работы время, таков порядок, – сказала Стужина.

– Конечно, в свободное, чтобы исключение не превратилось в норму, – согласился он и в присутствии сотрудников не стал развивать эту тему. Все разошлись по кабинетам и Лешук тоже проследовал за свой рабочий стол. Поднял трубку телефона, соединенного напрямую с кабинетом Стужиной. Она сняла трубку с рычага и он услышал ее дыхание.

– Павел Иванович, вы чем-то огорчены? Не устраивает размер, сумма премии? – спросила она, волнуясь в ожидании ответа.

– Сумма приличная, даже более того, – произнес он. – Но себя я ощущаю неловко, скрегой, жлобом. Вы меня наградили, а я схватил конверт и в кусты. Так не годится, это не побожески. Мы должны встретиться, где-нибудь в уютном ресторане, кафе и отметить это событие. Иначе я буду чувствовать себе обязанным, жить с неприятным ощущением должника. В милиции, как впрочем, в армии, в службе безопасности и других силовых ведомствах, с давних пор существует славная традиция обмывать звезды. Я начинал с маленьких лейтенантских и до большой майорской. Звезду опускают в граненый стакан, бокал или фужер с водкой, коньяком или вином и пьют, пуская по кругу. Первая премия из рук очаровательной женщины очень серьезный повод для встречи в ресторане или кафе.

– Павел Иванович, вы честно заработали премию и поэтому никакие угрызения совести не должны вас мучить, – успокоила она. – Предлагаю вам их потратить по личному усмотрению.

– Не в одиночку же мне этим заниматься?

– А что, деньгам нет другого применения? – возразила она. – Копите на автомобиль или на дачу. Сейчас это модно и престижно, атрибут состоятельности и превосходства.

– Еще успею. Предлагайте ресторан, кафе, а может казино? Слово за вами, – настойчиво велел Лешук.

– Вообще-то я питейно-развлекательным заведениям предпочитаю домашний уют или театр, избегаю светские тусовки, после которых от сплетен и интриг за месяц не избавишься, – призналась она. – В ресторанах, кафе бываю редко, разве что по случаю каких-нибудь презен-

таций. Но коль вы настаиваете, и то из уважения к вам, вежливости, пожалуй, можно встретиться в «Голубых грезях». Это новое недавно открытое кафе. Поглядим, ради интереса, что там за грезы-мимозы?

– Ника Сергеевна, а не намек ли это на сексуальную ориентацию, чтобы мы с вами не попали впросак?– усомнился он.– Придем, а там одна «голубизна», вот и будут нам в этой компании грезы горячие слезы? Возможно, что там собираются типы нетрадиционной сексуальной ориентации – геи, трансвеститы, педофилы, некрофилы и прочий сброд?

– Не должно быть, иначе дурная слава уже ходила бы по городу. Да и владельцу ни к чему подобная репутация, ему нужны нормальные посетители, – вполне логично предположила Стужина. – Может, нам за компанию пригласить Рэма Анисимовича, а то прознает о встрече и огорчится. Он после смерти жены живет замкнуто?

– Ника Сергеевна, я не против, но он же ни грамма спиртного в рот не берет,– заметил Лещук.– Будет сидеть, как чурбан и глаза мозолить, нам настроение портить. Это же ненормальное явление, когда одни слегка подвыпивши, веселые, а другой рядом трезвый, как стеклышко и все фиксирует, замечает и на ус мотает. Весь вечер будет ощущение, что Рэм Анисимович нас осуждает. Да и потом, кто его развлекать будет?

– Пожалуй, вы правы,– согласилась президент и, добавив металла в голос, продолжила. – Но прошу вас, Павел Иванович, предупреждаю, не смейте впредь пренебрежительно отзываться о наших сотрудниках, своих коллегах. Рэм Анисимович не чурбан, а опытный грамотный специалист. То, что он по причине гастрита, опасаясь обострения, не употребляет спиртных напитков, делает ему честь. Он очень ответственный и полезный для фирмы человек и всякие подобные клички, прозвища подрывают авторитет, имидж сотрудника, а значит и репутацию «Nika».

– Вас понял, товарищ президент, виноват, исправлюсь. До сих пор не могу избавиться от милицейских привычек,– повинулся он.– Имел ведь дело, общался с деклассированными элементами, а в их “малине” у каждого своя кличка, прозвище, как у животных. Специальная картотека, банк данных на них заведен, там и “домушники” и “медвежатники”, “щипачи” и прочие шулеры, жулики и проходимцы. Извините великодушно за неблагозвучные слова.

– Понимаю, над вами довлеет груз прошлого,– посочувствовала она.– Постарайтесь побыстрее сбросить его с плеч. А Тяглого, да и других сотрудников, пригласим в другой раз. Кстати, на День защитника Отечества, а потом и на 8 Марта. Поглядим, что мужчины нам приготовят?

– За этим дело не станет, – заверил Павел Иванович.– А сегодня не будем прекрасный вечер превращать в поминки или грустные воспоминания. Тогда предлагаю встречу в «Голубых грезях» в семь вечера?

– Не возражаю,– с какой-то отрешенностью согласилась женщина, еще два года назад ради карьеры, решившая не связывать свою жизнь с мужчинами, а если и связывать, то исключительно на работе, в сфере бизнеса без претензий на тело.

Согласие Стужиной на встречу-рандеву, а фактически первое романтическое свидание и вдохновило, и окрылило Лещука. Он торопил время, предвкушая радость общения, но оно, как назло тянулось медленно. У него, глядя на наручные часы фирмы «Orient», складывалось впечатление, что секундная стрелка движется слишком медленно.

Свидание состоялось в назначенное время, потому как деловые люди, даже в лирических ситуациях, когда как заметил поэт Александр Грибоедов, “влюбленные часов не наблюдают”, все же остаются пунктуальны, ценя время. Нику Сергеевну ее водитель и охранник Рябко сначала на автомобиле «Ford» доставил домой, где она привела себя в порядок, надела лучшее вечернее темно-вишневое платье, а на запястье тонкой руки золотой браслет, впустила прическу, закрепив ее лаком, мочки ушей с серьгами в рубиновых камешках окропила духами “Фиджи”.

Придирчиво оглядела себя в зеркалах трельяжа и, улыбнувшись, прошептала: “Пожалуй, все в порядке, я еще не утратила привлекательности, шарма таинственности и могу понравиться мужчинам.” На эти приготовления ушло не более часа.

– Хорошо ли я выгляжу?– поинтересовалась она у поджидавшего ее на лестничной площадке третьего этажа Семена, хотя и предлагала ему пройти в квартиру, но он деликатно отказался, полагая, что за бронированной дверью Стужиной ничего не угрожает.

– Вы всегда выглядите великолепно, а сегодня особенно очаровательны,– откровенно признался он.

– Приятно услышать от мужчины комплимент.

– А по какому случаю парад, если конечно, не секрет, хотя мне, как вашему охраннику, надо владеть информацией, чтобы знать к чему быть готовым, предвидеть ход событий. У вас свидание?

– Нет, деловая встреча в кафе «Голубые грезы»,– ответила женщина, слегка смутившись.

– Но это одно и то же,– улыбнулся Рябко.

– Нет, не одно и то же,– возразила она, – На свидании говорят о любви, а на деловой встрече о делах, об экономике, финансах и товарах, заключают сделки, поэтому она так и называется.

– Все ясно, просветили. Мое присутствие необходимо на случай осложнения ситуации? Вдруг ваш собеседник нервным, неадекватным окажется, за оружие схватиться?

– Я с тупыми оруженосцами и психами дел не имею, поэтому осложнений, которые бы вызвали необходимость применения силы, оружия, не будет. Так что Сеня не волнуйся и не напрягайся.

– С кем вы встречаетесь?

– А это пусть останется тайной,– властно сказала президент, и чуть мягче добавила. – У меня, как и у любой нормальной женщины, могут быть свои маленькие тайны, секреты или во всем душа нараспашку?

– Значит, у вас свидание,– сделал вывод Семен.

– Как хочешь, так и понимай.

Рябко услужливо открыл переднюю дверцу и Стужина, подобрав края ярко оранжевой дубленки с меховым песцовым воротником, устроилась на переднем сидении, положив на колени сумочку. Водитель сел за баранку, запустил двигатель, машина плавно тронулась с места.

Завершался январь с неустойчивой погодой: то морозами, то оттепелью, что характерно для крымской зимы. После вчерашнего дождя, с Азовского моря налетел холодный, пронизывающий норд-ост, а затем ударил мороз и сковал льдом суда в проливе. Улицы города кое– где припорошило снегом, а тротуары покрылись коркой льда словно панцирем. Деревья, растущие вдоль тротуаров, в парке и скверах, обледенели и хрустально позванивали, время от времени сбрасывая с голых веток свой ледяной наряд. Он хрустел под ногами у пешеходов, под шинами автомобилей. Иней и снег сверкали в лучах фонарей.

– Будь добр, остановись здесь,– велела Стужина.

– Но вы же, собирались в «Голубые грезы»?

– Я пройду пешком, подышу морозный воздухом, здесь ведь рядом в ста метрах,– ответила она.– Надо же каким-то образом от гиподинамии спасаться, а то, глядишь, ожирею, разучусь ходить.

– Ника Сергеевна, это не тот случай, когда полезно ходьбой заниматься. Вечер, темные закоулки, мало ли что может произойти. Да и по инструкции, мне строго запрещено оставлять вас одну, – напомнил он о своих обязанностях охранника.

– Не переживай Сеня, под мою ответственность?

– Кто потом, не приведи Господь, будет знать о вашей ответственности, – вздохнул он. – По полной программе взыщут с меня за утрату бдительности и беспечность.

– Тебе что, расписку дать?

– Нет, но учтите, это последний раз, когда я иду у вас на поводу, нарушаю требования инструкции, – пообещал он и остановил авто.

– Вот так правильно, инструкция инструкцией, а своего президента надо слушать, – шутливо промолвила она и вышла из салона.

– До которого часа продлится встреча? Куда подать карету?

– Нет, Сеня, спасибо, на сегодня ты свободен, а завтра, как обычно, к семи тридцати утра.

– Так точно! – откликнулся водитель. Она пошла по тротуару в направлении светящейся неоновыми огнями рекламной вывеске «Голубых грез», заметив, что Рябко, сбавив скорость, сопровождает ее с погашенными фарами. «Настоящий охранник», – подумала женщина.

Юрисконсульт издали увидел Стужину, узнал ее по яркому одеянию и поспешил навстречу с тремя белыми орхидеями и коробкой шоколадных конфет в руках. С замиранием сердца смотрел, как она осторожно ступала белыми сапожками по обледенелым, слегка присыпанным песком, плитам тротуара. «Только бы не поскользнулась и не упала», – прошептал он, словно заклинание, быстро приблизившись.

– Ника Сергеевна, что же вы пешком? Неровен час, поскользнетесь, здесь как на катке, – восторженно произнес он. – Могли бы с шиком подъехать к самому кафе.

– Не бойтесь, я прочно стою на ногах, – заверила она с трепетом в сердце взирая на букет белоснежных цветов. Но юрисконсульт не торопился с ритуалом вручения.

– Конечно, вашей прочности и уверенности может позавидовать любой мужчина, – поддержал он. – Но все же не следует рисковать там, где риск неоправдан. В такую погоду на скользких тротуарах масса травм, переломов и прочих неприятностей.

– Решила отпустить Сеню, – улыбнулась она, замедлив шаги. – Однако он, видите, не отстаёт, сопровождает, как положено по инструкции. Не хочу, чтобы в коллективе прознали о нашей встрече, пойдут разговоры, домыслы. За Рябко я уверена, он умеет держать язык за зубами. Хотя теперь и он узнал с кем встреча.

– Ника Сергеевна... Ника, вы свободная женщина и никто не вправе диктовать вам условия, а тем более осуждать.

– Я сказала ему, что это деловая встреча.

– Деловая? Мг, а мне кажется, что у нас романтическое свидание, – возразил Павел Иванович.

– Вот и Сеня так считает, – снисходительно улыбнулась женщина. – Все вы, мужчины неисправимы, себе на уме...

– Такими нас природа сотворила и поэтому в знак нашего свидания примите эти цветы и конфеты, чтобы жизнь не казалась горькой, – изрек он и галантно преподнес цветы и шоколад.

– Ой, спасибо, Павел Иванович, не ожидала, вы – настоящий рыцарь без страха и упрека. А их сейчас очень и очень мало и поэтому каждый на вес золота, – поблагодарила она, вдыхая аромат орхидей. – Мне давно уже не дарили таких дивных цветов, если не считать тех, что на официальных мероприятиях, презентациях, юбилеях, где звучат обычно стандартные, дежурные поздравления.

– Вы достойны и лучших презентов, подарков, драгоценностей! – с пафосом заверил он. – И это только начало.

– Смотрите Павел Иванович, разоритесь, – пригрозила она. – Придется мне увеличить ваш оклад с учетом представительских расходов.

– Ради такой женщины готов на все! – и бережно взял ее за руку и повел к сияющему неоновыми огнями кафе с интригующим названием. Мимо, сделав дружеский жест рукой, в

включенными фарами и сигнальными огнями, проехал Рябко. За безопасность президента при таком майоре милиции он был спокоен.

– Павел Иванович, взгляните какая красота, как в ледовом сказочном дворце, – опираясь на его руку, обратила свой взор Стужина на обледеневшую крону растущей у тротуара софоры. – Слово хрустальная люстра сверкает в огне. Разве из окна авто разглядишь такое чудо!?

– Действительно, как в сказочном дворце, – поддался он ее восторгу. – Но синоптики обещают потепление и скоро вся эта красота превратиться в лужи, а деревья станут голыми и неуютными. А нынче природа-кудесница.

– Да-а, – взгрустнула она. – В этом подлунном мире ничего нет вечного. Даже звезды и те через миллионы лет сгорают.

Она запрокинула голову вверх, где на черном бархате, словно вбитые в него серебряные гвозди, сияли созвездия Большая Медведица, Южный Крест и великое множество других звезд, поражающих воображение и напоминающих о мимолетности и бренности человеческой жизни. Но она решила не думать о вечном, ибо впереди ей еще был отмерян не один десяток лет. Хотя на все Господня воля.

4. В «Голубых грезах»

Когда они вошли в кафе, в нем было не более десяти посетителей и опасения насчет того, что здесь тусуется “голубизна”, оказались напрасными. Преимущественно за столиками сидели пары – мужчины и женщины. Звучала легкая умиротворяющая музыка и свет в банкетном зале был неяркий, приглушенный. Еще до появления Стужиной, Павел Иванович, прибыв на полчаса раньше назначенного срока, заказал или, как он сам выразился, застолбил столик возле окна, откуда хорошо было видно всех входящих в помещение. И здесь в нем проявилась милицмейская привычка, занимать такое место, исходную позицию, чтобы в случае, нестандартной ситуации, держать всех в поле зрения и быть готовым к действиям.

Он помог Нике Сергеевне снять дубленку и вместе со своей кожаной курткой сдал гардеробщице на хранение. В глубине зала за крайним столом, заставленным бутылками с коньяком, водкой и блюдами с закуской, восседали трое мужчин, самый крупный из них в малинового цвета костюме, а двое других – в черном и светло-зеленом. Один из них лысый, а его партнеры коротко стриженные. Судя по их развязанному поведению, шуму и смеху, пир был в самом разгаре. Они травили анекдоты и провозглашали тосты. От окурков в пепельнице тянулись сизые дымки...

При виде Стужиной вдруг онемели, вперив в нее удивленно-восторженные и в тоже время сально-похотливые взгляды изголодавшихся самцов. Они словно раздевали ее донага, пытаясь вообразить прелести изящного тела. Ощувив смутную тревогу, женщина остановилась в смущении и оглянулась на своего спутника.

– Павел Иванович, мне здесь не нравится, – прошептала она, указав взглядом на подозрительно-дерзкую компанию.

– Ника Сергеевна, не робейте, стол заказан и оплачен, – сообщил он и одобрительно улыбнулся. – Это ваш каприз, будьте паинькой. Не смущайтесь, проходите и чувствуйте себя, как в родном офисе. А на будущее не помешало бы вам открыть частный ресторан «Nika» и без проблем посещать его в любое время суток...

– Прекрасная идея. Ресторанный бизнес довольно прибыльный, – одобрила она, подходя к сервированному столику. Лешук услужливо подвинул мягкий стул с высокой спинкой в стиле ретро.

Присел сам и открыл лежащую на столе папку голубоватого цвета с текстом меню, в котором предлагались названия напитков, горячих и холодных блюд, десертных, кондитерских изделий.

– Что будем пить, дорогая Ника?– обратился он веселый взор.

– Я уже стала дорогой? Так быстро, интересное начало?– удивилась она. – Может вы имеете в виду расходы?

– Дорогой, но не в смысле затрат, а как незаурядная личность, популярный в городе человек, ну и само собой разумеется, замечательная женщина,– уточнил Лещук.

– Хорошо, принимаю ваши пояснения,– слегка улыбнулась она, отметив его находчивость.– Из напитков предпочитаю шампанское «Новый Свет» или мускатное, мы ведь с вами патриоты родного края, поэтому должны покупать товары своих земляков. А в остальных блюдах я полагаюсь на ваш вкус.

Он охотно подал знак девушке-официантке в фирменной одежде голубой блузке и черной юбке, чтобы она подошла к столику.

– Слушаю вас,– с теплой улыбкой произнесла певучим голосом. Приготовила блокнот и ручку.

– Пожалуйста, бутылку шампанского «Новый Свет», бутылку коньяка «Коктебель», две порции жаркое, салаты и по два бутерброда с черной и красной икрой. А под занавес по чашечке кофе и порции торта «Черный принц». Пока этим ограничимся, а дальше по настроению.

Девушка удалилась выполнять заказ.

– Не слишком ли много и щедро? – заметила Стужина.– Имейте в виду, Павел Иванович, что мне обильная пища противопоказана, я соблюдаю диету для сохранения спортивной формы.

– Вы замечательно выглядите, стройная, изящная, красивая и думаю, что этот вечер несколько не повредит ни вашей великолепной фигуре, ни деловому имиджу.

– Виртуозно излагаете,– оценила она.

– Не забываете, что следователь, еще и немного писатель и психолог,– улыбнулся юрист-консульт.– Кроме других материалов, протоколов осмотров, допросов, показаний свидетелей и потерпевших, я написал гору обвинительных заключений по каждому уголовному делу. Если все собрать, то получилось бы полное собрание занимательных детективных произведений. Может быть на закате жизни займусь этим делом, зароюсь с головой в архивы и прославлюсь, как мастер детективного жанра.

– О-о, с удовольствием прочитаю ваши будущие творения, – пообещала Стужина. – Желаю вам успехов в этом амплуа, литературной славы и больших гонораров.

– Я не тщеславен, ибо скромность украшает человека.

– Все же признание, слава приятны, а деньги дают независимость,– заметила она.

Между тем официантка ловко сервировала стол, поставила по просьбе Виктории Сергеевны в центре вазу тремя белыми орхидеями.

– Приятного вам отдыха, если что потребуется позовите,– сказала девушка. Лещук открыл бутылку шампанского и наполнил ее фужер золотистым искрящимся напитком, а свой – коньяком.

– Ника Сергеевна, Ника, за ваше очарование и карьеру,– стоя, как подобает офицеру, провозгласил он тост. Она благодарно улыбнулась и, сдвинув фужеры, отпила наполовину, а Павел Иванович свой коньяк выпил до дна и пожурил ее:

– Нехорошо в фужере оставлять слезы. За себя надо пить до дна, чтобы не увядала краса и валюта не кончалась.

– Еще успею, вечер долгий, а я не суеверная, в приметы и предсказания разных так экстрасенсов, хиромантов, колдунов не верю. У них одна цель – обобрать до нитки проста-

ков, слишком доверчивых людей. Да и народные врачеватели, так называемые последователи Ванги, у меня не вызывают доверия. Не так ли?

– Полностью солидарен, – поддержал Лещук.

– Павел Иванович, почему вы вдруг решили устроить этот вечер? Нашли повод, чтобы обмыть премию?

– А потому что мы с вами два одиночества, которые, как поется в одной старой песне-шлягере семидесятых годов, развели у дороги костер, а костру разгораться не хочется, – вспомнив забытый мотив, пропел он. – Но наш костер, должен ярко разгореться?

– Вы слишком самоуверенны.

– Возможно, но лучше быть человеком действия, высокого темперамента, чем пессимистом или флегматиком, как ваш Тяглый, постоянно ноющим и ожидающим манной небесной или погоды у наших Азовского или Черного морей, – обозначил он свой принцип.

– Надо ставить достижимые цели и не переоценивать свои способности и возможности, чтобы потом не страдать от крушения замыслов и не впадать в хандру от разочарований. Некоторые нестойкие с большими амбициями особы, на почве неудач получают психические расстройства.

– Это мне не грозит, – с обидой заметил юрисконсульт.

– Я не имела вас в виду, – поправилась она. – Лучше поговорим о другом, светлом и приятном. Например, о музыке. Я обожаю классику, а также мелодии Раймонда Паулса и латиноамериканские, особенно танго. В свои юные годы была в восторге от зажигательной ламбады. С подругами танцевала ее до упада.

– Я не слишком силен в понимании музыки, больше увлечен эстрадными песнями в исполнении Аллы Пугачевой, Валерия Меладзе, Софии Ротару, особенно ее «Лавандой», Валерия Леонтьева, Николая Баскова и другими, – признался он. – Но если вам нравится танго, то нет проблем, я сейчас закажу и вы насладитесь музыкой.

– Будьте добры. Если танго, то что-нибудь из латиноамериканских, – попросила она и добавила. – Чтобы наш вечер не превратился в поминки или грустные воспоминания.

Павел подошел к бармену и через несколько минут, заплатив за услугу, довольный возвратился к Стужиной и сообщил:

– Сейчас по вашей просьбе, дорогая Ника, прозвучит мелодия «Осень в Буэнос-Айресе».

– О-о, у вас прекрасный музыкальный вкус, это замечательное произведение, – с сияющими глазами произнесла женщина. – Мне довелось услышать на концерте преподавателей первой детской музыкальной школы в Керчи, заслуженных работников культуры. Действительно, заслуженных в отличие от лизоблюдов, угождающих чиновникам.

– Здесь музыкантов нет и мелодия прозвучит в записи, возможно с того концерта, на котором вы присутствовали, – сообщил он. И через несколько секунд зазвучала пронзительно грустная и нежная мелодия, усиленная колонками музыкального центра. Глядя на юрисконсульта, женщина благодарно улыбнулась.

– Хотите потанцевать? – прочитал он ее мысли.

– Да, – ответила Стужина.

– Я давно этим не занимался, утратил все навыки, поэтому не уверен, смогу ли? – признался он. – Хотя это медленный танец, танго, а не вальс, фокстрот или ламбада...

– Я тоже давно не танцевала, поэтому мы в равных условиях, – заметила женщина. – Коль пришли отдыхать, то по полной программе.

Павел Иванович встал и подал ей руку. Они прошли на свободное от столиков пространство, где уже танцевали две пары. Он обнял одной рукой за талию, а вторую положил на ее хрупкое плечо. С радостью ощутил теплое дыхание, тонкий аромат дорогих французских духов и упругость груди. Она была женственна и желанна.

Мелодия угасла и он в знак благодарности поцеловал ее руку. Придерживая женщину за талию, провел к столику.

– Закройте на миг ваши чудесные глазки и подайте нежную ладонь, – ласково велел он. – Только, чур, не подглядывать.

– Что еще за фокус, как в детстве? – улыбнулась Стужина, смежив длинные, слегка оттененные, ресницы. Павел положил на ее ладонь изящную коробочку. Она, ощутив прикосновение его руки и легкость коробочки, открыла глаза.

– О-о, Павел Иванович, вы – искусный сердцеед-обольститель, знаете, что женщины к подаркам не равнодушны, – она открыла колпачок и поднесла флакончик к лицу.

– Это вы – прелесть, бесценное сокровище! Ради женщины и живу на этом белом свете, – признался юрисконсульт, довольный произведенным эффектом. – Отныне я – ваш покорный слуга, раб.

– Не преувеличивайте, все мужчины искусные актеры и льстецы. Лучше скажите, откуда вы узнали, что «Опиум» мои любимые духи? – поинтересовалась она, вдыхая тонкий, волнующий запах.

– Контрразведка, точнее, агентура донесла.

– Вы успели обзавестись агентами? Значит, Рэм Анисимович оказался прав, предвидя, что вы начнете сколачивать группу сексотов, плести интриги, козни, будоражить коллектив?

– У вашего зама, неисправимого трезвенника, явно обостренная мания подозрительности, преследования и величия.

– Тяглый – незаменимый сотрудник и между вами не должна пробежать черная кошка. Постарайтесь понять и посочувствовать, он до сих пор не может оправиться после преждевременной смерти жены. Обязательно, если не подружитесь, так хотя бы сохраняйте деловые отношения, ведь мы – единая команда. В этом залог успеха.

– Хорошо, я постараюсь ради вас, главное, чтобы он, как упрямый вол, не упирался рогами и не качал права, – пообещал Павел. – А насчет контрразведки и агентуры я пошутил, сам не терплю доносчиков и лизоблюдов. Если и обзаведусь информаторами, а их в милиции называют ДЛ – доверенные лица, то только в чужих фирмах с целью коммерческого шпионажа за конкурентами.

– В этом, Павел Иванович, нет необходимости. Я предпочитаю честный и открытый бизнес без теневых схем и криминала, чтобы не навлечь на себя сотрудников УБЭП, налоговой милиции и прокуратуры, – сменив игривый тон на официоз, сообщила президент.

– Напрасно, Ника, – вздохнул Лещук. – Для процветания и безопасности бизнеса, мы, кровь из носа, должны знать, как идут дела у конкурентов и партнеров, что они замышляют против нас, чтобы своевременно предпринять контрмеры, нанести упреждающий удар. Наши риски должны быть сведены до минимума. До правовых цивилизованных отношений еще очень далеко и те из политиков и бизнесменов, что поднялись из грязи в князи, сколотившие первоначальный криминальный капитал, продолжают действовать в том же ключе, стремятся надуть, подставить, кинуть, обанкротить посредством «липовых» документов и продажных судей в хозяйственных и апелляционных судах.

– Да, это нерестилище коррупции, – согласилась Стужина.

– Судьи за мзду содействуют размаху, так называемому рейдерству – силовому захвату чужой собственности, недвижимости, — продолжил он. – Для нас важен доступ к конфиденциальной информации, хранящейся на компакт-дисках в офисах конкурентов, которые в борьбе с нами не брезгуют никакими методами.

– Павел Иванович, вы смотрите на вещи под углом зрения профессионала, юриста, следователя, – сделала вывод Стужина.

– Кто на что учился, – усмехнулся Лещук. – По другому нельзя. Романтизм, наивность, чрезмерная доверчивость и беспечность могут выйти боком. Бизнес, финансы, особенно в

условиях дикого капитализма, часто сопровождаются аферами, мошенничеством, алчностью даже на государственном уровне по отношению к гражданам. Вспомните, сколько раз из-за несовершенства законодательства менялись правила игры. Яркий пример – налоговая удавка, которая загоняет средний и малый бизнес в тень, в то время, как для крупного капитала, благодаря лоббистам на Олимпе власти, дан «зеленый» свет, льготы, преференции...

А ведь кроме того мелкого предпринимателя постоянно доят работники милиции, прокуратуры, службы безопасности, КРУ, налоговой и экологической инспекций, пожарного надзора, санэпидстанции. А местная власть, увеличивая налоги на землю, требует в добровольно-принудительном порядке вносить взносы в разные благотворительные фонды, откуда деньги текут на валютные счета или в карманы депутатов и чиновников за «услуги».

Поэтому, Ника не следует расслабляться, надо ухо и глаз держать остро. Кстати, чтобы не оказались у разбитого корыта, не доверяйте банкам, обратите капитал в золото и другие драгоценности, в недвижимость. Финансовая система из-за аферистов, подобных Соросу, неустойчива, хотя курс евро стабильный, а вот доллар ненадежен, слишком большая эмиссия. Вполне может повториться дефолт девяносто восьмого года и тогда сбережения превратятся в полосу.

– Спасибо, Павел Иванович, но у меня немного свободных денег. Основная часть в акциях и обороте нашей фирмы, – призналась президент. – Пока что на ногах стоим прочно и нет угрозы банкротства. А с вашим приходом гарантия надежности возросла. Ведь вы успешно отбиваете атаки конкурентов, чиновников фискальных органов и вымогателей из криминальных структур.

– Стараюсь оправдать ваше высокое доверие, – заверил он. – Ради вас готов пройти сквозь огонь, воду и медные трубы.

– Павел Иванович, вы глубоко разбираетесь в ситуации, – польстила женщина. – Я рада, что судьба нам подарила встречу, что наши дороги в бизнесе не разминулись и мы трудимся на один котел.

– Я тоже очень рад, – он нежно прикоснулся рукой к ее теплой изящной ладони с золотым перстнем на пальце. – Однако отставим в сторону бизнес, у нас ведь не деловая встреча, а романтическое свидание.

– За подарок спасибо, я обожаю французские духи, – призналась Стужина. – Но впредь, не тратьтесь. Я все-таки президент фирмы, не бедствую, зарабатываю достаточно и могу себе позволить покупку дорогих вещей: драгоценностей, косметики, парфюмерии. В своих потребностях знаю чувство меры, я ведь по знаку Зодиака – Весы. Все уравниваю, конфликты сглаживаю, подвожу баланс, чтобы ни в бизнесе, ни в отношениях не было перекосов. Не забывайте, что вы мой подчиненный, и подарок можно расценить, как взятку...

– Вы это серьезно? – опешил и тут же рассмеялся юрисконсульт, откинувшись на спинку стула. – Надо этот факт срочно заактировать с участием понятых. После этого инкриминируют нам статью УК и загремим мы с вами в СИЗО на нары, как коррупционеры. Впрочем, с такой очаровательной женщиной я готов хоть на край земли или к черту на кулички, а лучше к теще на блины. Интересно узнать вашу версию о мотивах деяния? С какой целью я вас обхаживаю?

– Не смейтесь, Павел Иванович, – смутилась женщина. – Ничего не делается и не происходит беспричинно, без умысла. Важно, чтобы он не был злым и коварным. Возможно, вы решили таким способом завоевать мое расположение, симпатии для продвижения по службе? Мое слово, конечно, веское, но решения по кадрам принимаются на собраниях акционеров и правлении. Кстати, вы своей эффективной работой и без того наращиваете авторитет в коллективе.

– Ника Сергеевна, вы рассуждаете, как президент. Вспомните, что вы – красивая с изюминкой, шармом, а точнее, светлой магией женщина, – с нежностью в голосе произнес Лещук. – Для меня карьера, деньги, роскошь – вторичны. Хочу, чтобы в вашем сердце нашлось хотя бы крохотное местечко для скромного сотрудника.

–О-о, Павел Иванович, вы претендуете на взаимность, более близкие и глубокие отношения, но существует субординация, правила и этика служебных отношений, – напомнила президент. – Они должны быть равными без каких-либо исключений. Согласившись на эту встречу, причем наедине, без участия других сотрудников, той же Ласки, или Рэма Анисимовича, я преступила запретную черту, позволила себе вольность.

– У вас безупречная репутация. И пусть только кто-то посмеет вас упрекнуть, оскорбить или унизить, тот будет иметь со мною, – твердо пообещал майор милиции и огляделся. – Не вижу повода для опасений, знакомых, свидетелей нет.

– Павел Иванович, я сама способна за себя постоять, – возразила она. – Защищайте, как вы это успешно делаете, интересы фирмы, а меня лично не обязательно. Эта роль возложена на моего водителя и это не входит в перечень ваших функциональных обязанностей.

– Я с радостью это буду делать по доброй воле и совершенно бесплатно. Стану вашим ангелом-хранителем! – с пафосом заверил Лещук.

– Никакой самодеятельности, я запрещаю.

Он ощутил жесткость в ее голосе и поспешил сменить тему. Затем по заявке Павла прозвучали в записи прекрасная музыка Раймонда Паулса из кинофильма «Долгая дорога в дюнах». Жестом юрисконсульт подозвал бармена и велел:

– Давай что-нибудь из ретро, шлягеров моей молодости.

– Что именно, у каждого свой вкус?

– Чем ты располагаешь?

– Эстрадные песни Магомаева, Пугачевой, Талькова, Ротару, Распутиной, Серова, Вески...

– Во, давай Анне Вески, очень милая, обаятельная блондинка, – обрадовался он и улыбнулся Стужиной. – Она поразительно на тебя похожа.

– Каждый человек индивидуален и неповторим, – мягко заметила она, хотя сравнение ей понравилась, так как симпатизировала этой скромной эстонке.

– У вас хороший вкус, – польстил бармен. Вскоре зазвучало:

Оглянись среди ночи и дня.

Оглянись и увидишь меня.

Это – я, это – я, это – я,

Любовь, любовь твоя...

—Проникновенный голос, слова и мелодия, – промолвила Стужина. Достала из сумочки белый с кружевными краями платочек с вышитым посередине вензелем литеров N S. Вытерла пальцы и хотела спрятать платочек, но Павел попросил:

– Позвольте.

– Зачем вам? – румянцем смущения вспыхнули ее щеки.

– На память об этой встрече. Я буду его хранить, как талисман, – признался юрисконсульт. Она призадумалась и решила его не огорчать. Лещук бережно взял платочек и прижал его к губам, ощутив стойкий запах дорогих духов. Сложил вчетверо и спрятал в карман на левой стороне груди, у самого сердца.

– Взрослый мужчина, а поступаете словно влюбленный юноша, – снисходительно заметила Ника, ощутив приятное чувство.

– Мы совершили замечательный бартер без признаков корысти и коррупции, – воодушевился юрисконсульт. – Я вам – духи, а вы мне – платочек, который дороже сотни самых дорогих духов.

Неожиданно отворилась дверь и на пороге появилась Ласка в василькового цвета пальто с норковым воротником. Рядом с ней был незнакомый белобрысый парень, выше среднего роста

в теплой кожаной куртке. Стужина, находившаяся к ним лицом, первой увидела неожиданных посетителей и смутилась.

– Что такое?– спросил Лещук, почувствовавший сбой.

– Поглядите, кто к нам пришел?– усмехнулась женщина, указав взглядом не вошедших. Наташа приветливо помахала рукой.

– Здравствуйте, явилась не запылилась,– усмехнулся юрисконсульт.– В городе десятков шесть ресторанов, кафе, казино, баров, а она появилась именно здесь. Даже по теории вероятности невозможно такое совпадение, чтобы в этом месте и в этот же час. Наверное, прознала о нашем свидании, может Семен ей настучал?

– На то она и секретарь-референт, чтобы все и обо всех знать,– с иронией ответила Стужина.– На Рябко не грешите, он здесь ни при чем. Очевидно, у Наташи есть другой источник информации. И разговор она наш не могла подслушать, так как общались по прямой связи.

– Не мешало бы проверить ваш кабинет на предмет наличия «жучков» с целью компромата, шпионажа в интересах конкурентов.

– Думаете, что телефоны прослушивают?– всполошилась она.

– Не исключено, подслушивали же умельцы тайные разговоры в кабинетах президентов Ельцина и, особенно Кучмы, до сих пор скандал, умело используемый американскими спецслужбами, не угас. Почему бы и у вас не снять соперникам ценную информацию о коммерческих и личных делах с целью последующего шантажа и дискредитации. Дурной пример заразителен,– предупредил Лещук. – Мне эти методы оперативно-технической работы хорошо известны.

– Так там большая политика?

– А у вас бизнес. Масштабы разные, а методы одни.

К ним вместе со своим спутником, по– лисьи улыбаясь, шла Ласка.

– И вы здесь! Какая приятная неожиданность!– с блеском в глазах произнесла Наташа. – А мы вот с Эдиком однокурсники, он тоже будущий магистр. Не исключено, что в нашей фирме будет работать. Проходили мимо, решили на минутку заглянуть. Не стали раздеваться, чтобы по чашечке кофе выпить. Я немного озябла, на улице мороз, но все в лучах света сверкает и блестит. Не помешаем? Если бы знали, что вы здесь, то не посмели бы. В городе разных кафе и баров, хоть пруд пруди, зашли бы в «Клеопатру», «Альбину» или «Дары моря».

– Не помешаете, Наташа и Эдуард, располагайтесь как вам удобно,– сказала Стужина. – Моя президентская власть тоже имеет пределы и на это заведение, и на вас не распространяется. Как хотите, распоряжаетесь свободным временем. А вот вопросы о будущих кадрах позволите мне самой решать.

– Я так и знала, что вы не осерчаете, встретили душевно,– обрадовалась, выдав себя, девушка. Опомилась, но было поздно, слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Эх, Наталья-проказница, значит, ты заранее знала и подстерегла,– погрозила ей пальцем Стужина.

– Не обижайтесь, Ника Сергеевна, я от природы такая любопытная и ничего не могу с собой поделать, гены виноваты, – покачалась Ласка.

– Тебе бы с твоими наклонностями впору сыщиком или следователем работать. Так ведь, Павел Иванович, или я не права?

– Да, у Наташи есть задатки, но за своими сотрудниками шпионить нехорошо, – и тут же уязвил девушку.– Так Эдуард ваш бойфренд для приятного времяпрепровождения?

– Нет, просто мой друг,– возразила она и густо зарделась от смущения. Наташа и парень присели за соседний столик, к ним подошла официантка. Они заказали кофе и пирожное. Лещук, ловя на себе ее любопытные взгляды, ухмыльнулся: «Случайно они зашли. Наверняка, Ласка шпионит и может быть даже по заданию Тяглого, взявшего на себя роль блюстителя нравственности». Все пятнадцать минут, пока Наташа с другом пили кофе и уминали пирож-

ное, юрисконсульт чувствовал себя неуверенно, словно его рассматривали через микроскоп. Вздохнул с облегчением, когда увидел, что они поднялись со стульев.

– Приятного вам отдыха, – пожелала секретарь-референт, лукаво улыбнувшись и, подхватив студента пошла к выходу. Павел Иванович наполнил фужеры и провозгласил:

– За любовь и бизнес!

– Замечательно, только бизнес я все-таки бы поставила на первое место, – поправила Стужина.

– А мне кажется, что любовь для человека важнее, ибо она его окрыляет и вдохновляет, а значит и бизнес процветает, – произнес он в рифму признался. – Вы – прекрасная, магическая женщина. Я не склонен к лирике и сентиментальности, но все же бывают такие мгновения, когда хочется объясняться стихами. Послушайте...

О, Ника! Я тобою восхищен,

Сиянием глаз и голосом пленен.

Любовь разрушит все преграды.

Ты – ангел мой, души отрада...

– Павел Иванович, вы меня удивляете и смущаете.

– Специально для вас сочинил, – признался юрисконсульт. – Обычно меня под дулом пистолета не заставишь этим заниматься.

– Ценю ваши усилия, – похвалила она.

– И всего лишь? – разочаровано произнес он. – Хотя бы один скромненький поцелуй в награду.

– Вы же потом потребуете большего, – возразила женщина. – Именно со скромного поцелуя все начинается.

– Ника, я удивлен, почему вы до сих пор свободны, без спутника жизни: неужели во всем городе не нашлось достойного вашей красоты, магии очарования и тонкого ума мужчины.

– Тот, кто мне нравится, женат, а я не хочу строить свое счастье на чужом горе, разбивать семью, обрекать на страдания детей, – призналась она. – Даже Рэм Анисимович одно время активно клинья подбивал, но я противник семейственности, кумовства и родства в бизнесе.

– Эх, Ника, никогда не поверю, что женщина может обойтись без секса, ведь вам природой предназначено любить и быть любимой. Берите пример с молодежи, а также с артистов кино, эстрады, шоу-бизнеса. Они меняют жен и мужей, как перчатки, ради свежих и новых ощущений, удовлетворения самых изощренных и фантастических прихотей.

– Не обольщайтесь. Ника на древнегреческом значит, победа и поэтому меня победить невозможно.

– Но ведь первый муж смог завоевать ваше сердце?

– Первая любовь вспыхнула и угасла, ошибка молодости, – с грустью заметила она и с иронией сообщила. – А вот Павел по-латыни означает маленький.

– Врет латынь, я большой и сильный, – возразил он.

– Не обижайтесь, я пошутила. Не сомневаюсь, что вы волевой и решительный человек.

Увидела, что такой оценкой он остался доволен.

– «Свободная любовь» мне чужда. Она безнравственная и аморальна. Все мои желания и энергия посвящены работе, – заявила президент.

– Ни за что не поверю, что вы обрели себя на скучную, серую жизнь монашки, отказываете себе в земных радостях. и у вас нет тайного любовника, – сказал он. – Зачем ставить крест на личной жизни. Увы, придет и наш черед оставить этот бренный мир.

– Павел, нам еще рано об этом думать.

– Но об этом никогда не следует забывать, ибо жизнь хрупка и пути Господни неисповедимы. Поэтому, милая Ника, надо дорожить каждым мгновением, из которых соткано быстро

ускользающее время, – философски заметил Лещук. – Неразумно из-за сомнительных моральных догм и предрассудков отказываете себе в наслаждениях.

– Они чреватые блудом, а я не желаю прослыть женщиной легкого поведения. Для меня безупречная репутация, общественное мнение очень многое значат.

– Эх, Ника, так и проживете затворницей, как монашка, не познав радостей и удовольствий семейной жизни. Наверняка, есть тайный любовник, поэтому тщательно скрываете свои отношения?

Стужина, чтобы не продолжать тему, промолчала, тем самым дав ему повод для подозрений.

– Суровая проза жизни не способствует романтическому настроению, но вы, Ника, задели в моем сердце неведомые доселе струны и они зазвучали на лирический лад.

– Вы красиво и образно излагаете свои мысли, что иной поэт или ценитель изящной словесности могут позавидовать.

– Это все слова, ласкающие слух, а я предпочитаю быть практиком, а не витать в облаках в ожидании призрачного счастья.

Они выпили вино и закусили бутербродами.

– Ника Сергеевна, вы с самой первой встречи мне приглянулись своей внешней и душевной красотой, – признался он. – Редкой женщине удастся произвести на меня такое магическое впечатление.

– Вы тоже интересная и сильная личность.

– Почему бы нам не соединить наши сердца?

– И тела... что больше всего интересует и влечет мужчину, – продолжила она. – Я так и знала, что вы для этой цели пригласили меня сюда, чтобы напоить и, воспользовавшись моей слабостью, соблазнить. Но этот номер у вас не выйдет, я далеко не глупая девочка и способна контролировать ситуацию, владеть своими чувствами и желаниями.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил он, подметив, блеск в ее удивительно нежных глазах. – Ника, а почему бы нам не перейти на “ты”, а то вроде напыщенных дипломатов за столом переговоров, – предложил он. – Зовите меня Пашей или Павлом, как угодно.

– Хорошо, Павел, но только в такой вот неформальной обстановке, за пределами офиса, – согласилась Стужина. – А на работе, будьте добры, только деловое официальное обращение, без всяких проявлений телячьих нежностей и намеков на теплые отношения, чтобы пресечь волну сплетен. Они, как зараза способны деморализовать коллектив, внести смуту. И без того Наталья-проказница выследила.

– Ника, мне показалось, что ты ко мне тоже равнодушна, поэтому и проявляю нетерпение и настойчивость, – признался он.

– Ты привык брать крепости с ходу, в первый же вечер, ночь одерживать победы на любовном ложе, а бывает, что необходима длительная осада, – заметила женщина.

– Я готов ждать сколько угодно, – с жаром произнес Лещук. – Ты ведь в принципе не возражаешь, согласна?

– Когда речь идет о чувстве любви, то принципы не годятся. Обсуждают ведь не вопросы идеологии, убеждений, а нечто более тонкое, душевное и очень ранимое.

– Ты – феминистка, презирающая мужчин?

– Я – деловая женщина. И на первом плане у меня не забавы и утех, а бизнес, карьера, интересы фирмы.

– Но ты и так достигла успеха, президент – звучит гордо и возвышенно, вызывая чувство поклонения.

– Да, президент, – улыбнулась она. – Но всего лишь фирмы.

– У тебя амбиции, как у крутого политика.

– Конечно, я пошутила, насчет претензий на пост президента страны, а вот расширить бизнес, создать рабочие места, увеличить оборот намерена. Если довольствоваться лишь достигнутым, топтаться на одном месте, то конкуренты оттеснят и сожрут. У нас, к сожалению, пока царят не рыночные, а дикие волчьи законы. Поэтому только динамика, движение вперед гарантируют успех. Бизнес – это азартная игра, но не в карты или рулетку, где все зависит мастерства, удачи или шулерства. Здесь, как в шахматах, от точного расчета, грамотно построенных комбинаций, от знания конъюнктуры, предвидения действий конкурентов и их упреждения. Ты правильно однажды заметил, что часто выживают, не столько сильные, сколько умные. Поэтому я избегаю отвлекающих и усложняющих жизнь ситуаций и факторов.

– Но любовь, даже физиологически мужчине и женщине необходима для полноценной физической и духовной жизни, для профилактики неврозов, стрессов от сексуальной неудовлетворенности.

– И все ты о женщинах знаешь, какой искусный обольститель, – кокетливо улыбнулась она. – Но я не наивная девочка, чтобы слепо верить красивым словам и обещаниям.

5. Запретный плод

За два часа до этого, выйдя из «Голубых грез» и ощущая морозный воздух, Эдуард Муравич и Наташа Ласка, остановились, раздумывая, куда податься? На дискотеку, прогуляться по набережной или... Парень тешил себя надеждой, что удастся, как и на прошлой неделе, пригласить Наташу к себе в комнату, что в студенческом общежитии. Он не забыл предупредить однокурсников, с которыми уже третий год учебы делил ночлег на восемнадцати квадратных метрах жилой площади, чтобы на два-три часа освободили плацдарм.

– Ника Сергеевна – конспиратор, столько времени изображала из себя строгую, невинную деловую даму, – произнесла девушка без тени осуждения. – А в неформальной обстановке за бутылкой шампанского и щедрой закуской раскрепостилась, превратившись из деловой в веселую и, наверное, легкомысленную женщину, для которой ничто земное не чуждо. Похоже, у нее с Лешуком назревает бурный служебный роман. Это сенсация, в офисе все будут удивлены тому, что неприступная Ника, наша железная леди, вдруг оттаяла, проявив женскую слабость.

– Женское начало берет свое, плоть требует удовлетворения, – с видом знатока заявил студент. – У одной поэтессы, кажется Татьяничевой, есть стихи, в которых она делает вывод, что сила женщины в ее слабости, в чарах и хмельных наслаждениях, доставляемых себе и мужчине. Об этом много написал психоаналитик Фрейд.

– К чему ты, Эдик, это клонишь, а? – усмехнулась Ласка.

– А к тому, что не могу без тебя жить, – ответил Муравич, – Ты постоянно со мной, в моих мыслях и желаниях.

– Не знаю, как насчет мыслей, а желание у тебя постоянное к страсти и совокуплениям. Научись управлять своими чувствами и умирять плоть, – назидательно велела Наташа.

– Это невозможно, родная, – с обреченностью заметил студент и предложил. – Приглашаю тебя в гости. Только умоляю не отказывайся.

– Опять общага?

– Опять, – вздохнул он, доверчиво-ласково взирая на нее, завораживая шальным блеском васильковых глаз.

– Ну, ладно, от тебя никуда не деться, – согласилась она. – Кажется, я немного озябла, хоть чаем угостишь?

– И не только чаем, у меня еще немного денег осталось, хватит на бутылку твоего любимого сухого вина Алиготе, – обрадовался он. – И даже на шоколад «Корона».

– Тогда пообещай, что не будешь, как в прошлый раз, распускать руки,? – потребовала Ласка.– Давно ведь должен знать, чем заканчиваются подобные любовные шалости? Ты же еще не готов стать отцом, у тебя ни двора, ни кола.

– Обещаю вести себя скромно,– слегка взгрустнул он.

– Знаю я цену твоим клятвам. Все они сводятся к одному: обещать, не значит жениться. Ох и влетит мне от матери,– она взглянула на наручные часики.– Через час я обязана быть дома.

– В таком случае не будет терять драгоценное время,– поторопил Муравич и, взяв ее под руку, направился в ближайший магазин по пути к зданию общежития. На смятые мелкие купюры и монеты, рассчитав, что должно хватить, купил бутылку белого вина и плитку шоколада.

В фойе общежития у вертушки их остановила вахтерша – строгая женщина лет шестидесяти пяти от роду Жанна Артемовна. Цепким взглядом обозрела Ласку и властно велела:

– Предъяви-ка свой документ?

Наташа порылась в сумочке и подала студенческий билет.

– А-а, заочница, Наталия Васильевна Ласка, так и запишем в журнале,– произнесла вахтерша, аккуратно вписывая ее фамилию и время пребывания в строке напротив комнаты № 237.– Получается, что вы и на прошлой неделе гостили. Моя сменщица сделала запись о том, что загостились дольше полуночи. Понятно, чем вы наедине с Муравичем занимались. Некрасиво нарушать распорядок, режим, установленный ректором института. На сей раз, я вправе вас не пустить. Слишком большая любительница наших непутевых студентов. Как бы чем их не наградила, а то закроют общежитие на карантин и меня за потерю бдительности, слабый контроль вытурят с работы.

– Ну, что вы, Жанна Артемовна, это же наша студентка, своя, не чужая,– возразил Эдуард. – Натали учится на одном со мной курсе, только на заочном.

– Наши студенты в общежитии живут, а она пришлая, – парировала женщина. – А если приспичило, то на курсе общайтесь. Там у преподавателей на виду, как кролики или рыбки в аквариуме. Ничего аморального не посмеете совершить.

– Мы с Натали решили сообща поработать над курсовой, у нас одинаковая тема. Она отличница, а мне математика туго дается. Вы же не хотите, чтобы за мною “хвосты” тянулись?

– Мне без разницы. Вижу, что за тобой пока что девки тянутся,– усмехнулась она, указав пронизательным взглядом на пакет.– Бутылку не забыл прихватить с собой, математик. Знаю, какой работой собираетесь заняться, поди, не первый десяток лет на свете живу. От этой сексуальной революции совсем ошалели, будь она неладна. В мои молодые годы бесстыдства и распущенности не было. Строго блюли нравственность и почитали своих родителей и учителей. А нынче студентки не успеют и года проучиться, как животики вырастают, вынуждены рожать или делать аборт. Стыд и срам.

– Вам то, Жанна Артемовна, какая с того печаль?– насупился, недовольный ситуацией парень.

– Не жалеют себя девчата, ведут себя, как похотливые кошки, подрывают здоровье, коверкают судьбу, вот такая печаль, я ведь не только мама, но и бабушка, поэтому не могу без слез глядеть на нынешнюю молодежь,– заявила она, сурово поджав плотные губы. Еще несколько минут перепалки и Наташа настроилась уйти.

– Ах, из-за этой учебы совсем склероз одолел,– встрепнулся Муравич и полез рукою в полиэтиленовый пакет, достал шоколадку. – Это вам для поддержания сил и бодрости на боевом посту.

– Шоколад я люблю, очень полезен для сердца, особенно черный, натуральный, а не соевый,– улыбнулась вахтерша, принимая плитку и пригрозила.– Ну, и хитрый же Эдуард, знаешь, чем уболажить.

– От щедрого сердца, Жанна Артемовна, – приложил он ладонь к левой стороне груди, а сам подумал: «Чтоб ты им подавилась, старая карга, лакомство ведь предназначалось Натали». Он знал, что вахтерша занимается мелкими поборами со студентов, считая это в порядке вещей, своим «бизнесом». Между тем она не спешила пропускать, застопорив вертушку. Взглянув на Ласку, перелистала несколько страниц журнала и прочитала вслух запись, сделанную своей сменщицей:

– Наталия Ласка пришла в комнату № 237 а 20.15, а ушла в 0.34 следующего дня. Предупреждаю, чтобы впредь такое не повторилось. Для пребывания гостей предельное время – 23.00. Тебе, ясно мартовский кот? Если просрочите, приду и вытурю с позором.

– Ясно, куда уж более, – ответил студент и с тоской подумал «Тебе бы надзирательницей в исправительно-трудовой колонии или игуменьей в женском монастыре служить, чтобы монашки не грешили. Эх, нет на твою голову Декамерона и Казанова».

Но благоразумно промолчал, как застоявшийся жеребец, переминаясь с ноги на ногу.

– А ты, красавица писаная, поняла? – с самодовольством обратила она взор на смущенную Ласку.

– Не ты, а вы, – поправила ее Наташа.

– Ты, вы, я гляжу, шибко шустрая, палец в рот не клади, откусишь, – насупилась вахтерша. – Возьмешь, хлопец, такую в жены упрямую и горя намыкаешься. В карман за словом не полезет.

– Это не ваша забота, – сухо ответил Муравич.

– Ну, ладно, ступайте, надоели мне, как горькая редька, – махнула она рукой и, заведя очередную парочку. Они, не мешкая, прошли мимо вахтерши, а она снова заблокировала вертушку. По лестнице поднялись на второй этаж, где вдоль длинного коридора – комнаты с номерами на дверях.

– Эдик, а почему ты меня называешь Натали? – спросила Ласка.

– Так Пушкин называл свою возлюбленную Наталью Гончарову, впоследствии ставшую его женой.

– Ты же не поэт и не писатель?

– Мы должны равняться на великих, чтобы хоть немного приблизиться к ним! – с оптимизмом произнес студент. – Кстати, у Александра Сергеевича побывало в постели не меньше ста прелестниц. А я – однолюб, мое сердце, тело и душа принадлежат только тебе одной.

– Ой, не лги! А твой роман с Катей, а еще раньше с Мариной, которую ласково называл морской красавицей, своей Ассолью?

– Это было до встречи с тобой. Они остались в прошлом, пройденный этап и возврата назад нет. Там, где прошла ты, другим делать нечего, – признался, взирая на Ласку посоловевшими от вожделения глазами.

– Знаешь, как вахтершу называют студенты? Мадам Дурель, звучит, как дура, а другие обзывают ее Дрелью, потому что сквозь любую стену проникает и все вынюхивает, – пояснил Эдуард.

– За что она заслужила такую нелюбовь? – пожалела Наташа.

– За то, что мешает заниматься любовью. После того, как три девицы со старшего курса забеременели. Одна из них вынуждена была сделать аборт, Жанна Артемовна считает своим долгом без спроса совать свой нос в любую комнату, проводит ночные проверки. А когда ее не пускают, то вопит, что выполняет тайное поручение ректора. Превратила общагу в женский монастырь.

– Видишь, чем могут обернуться сладкие забавы.

– Тебе это не грозит, мы предохраняемся, – ответил студент.

Они подошли к комнате № 237 и Эдуард по-хозяйски толкнул дверь. Вошли в стандартную студенческую комнату на четверых человек.

– А добро пожаловать в наш шалаш, – встретил Муравича и Ласку один из двоих студентов, находившихся в комнате Роман Дерюга, а второй Артур Злотник лишь многозначительно улыбнулся. Третий из обитателей комнаты студент Богдан Капелюх подвизался работать сторожем склада в ночное время у одного из коммерсантов и поэтому отсутствовал.

– Ребята, я же вас предупреждал, что буду с Наташей, – пожурил их однокурсник. – На улице еще холодно, это вам не весна и не лето, где на природе под звездным небом или на берегу моря, что в доме родном.

– Мы то соображаем, Эдик, чай не с Луны свалились, знаем, откуда дети берутся, – ухмыльнулся, плотоядно уставившись на гостью и смутив ее откровенно вожделенным похотливым взглядом, Роман. – Но и ты не будь жлобом. Еще за прошлый раз с нами за randevu не рассчитался. Второй раз халява не пройдет.

– Ребята никаких проблем, как только получу стипендию, сразу же выставлю пузырь самой лучшей водки и закусь к ней.

– Ну, гляди, кореш, твоя подруга большего стоит, – Дерюга оглядел Ласку с ног до головы, словно раздевая, и облизнул по-девичьи сочные губы. – Ты в женщинах толк знаешь. Обманешь, заставим ее натурой расплатиться. Я первый на очереди, имей в виду.

– Гарна дивчина для кохання, – вынес свой вердикт Злотник, вместе с Романом облачившийся в верхнюю одежду.

– Вы ребята подольше погуляйте на свежем воздухе. Такие прогулки очень полезны, обогащают кровь кислородом, – попросил Муравич.

– Сколько вам времени, два, три часа? – поинтересовался Роман, не сводя посоловевших глаз с Ласки.

– Побольше, если надоест гулять, то переждите у кого-нибудь из ребят нашего курса, – предложил Эдуард.

– Гляди не переусердствуй, а то через девять месяцев всучат исполнительный лист и еще нас обвинят за содействие любовным утехам, – с лукавством предупредил Дерюга.

– Я – не насильник, не маньяк, – сконфузился Эдуард. – Мы с Наташей решили сообща курсовую работу сварганить, чтобы у меня к следующему семестру не было «хвостов».

– Ладно, строгальщик, не пудри нам мозги, не вешай лапшу на уши с легендами насчет курсовой. Удачи вам, ни пуха, ни пера, – пожелал Дерюга и потянул за рукав Артура.

– К черту! – отозвался Муравич, довольный тем, что удалось спровадить приятелей. – Что ты, Натали, как не родная, оробела? Теперь мы одни и никто нам не указ.

Эдуард помог ей снять пальто и разуть сапожки.

– Чувствую себя перед ребятами неловко, будто бы выселили, выставили их за порог, – призналась Ласка. – Так в гости не приходят. В другой раз могут и воспротивиться.

– А-а, не будь слишком сентиментальной, не принимай их упрёки близко к сердцу, – заметил он и продолжил. – Когда они своих телок приводят, причем без предупреждения неожиданно, то я без всяких возражений и разговоров, собираюсь и ухожу на длительное время. Так что я с ними в полном расчете. А Роман не дурак, на тебя губу раскатал. Выкусит, своих телок никому не дает.

– Значит, если следовать твоей логике, то я тоже телка? Очень красиво и романтично, – укорила она.

– Прости, Наташенька, мое солнышко, случайно вырвалось, – покаялся он. – Ты же в студенческой среде во время семестров, отлично знаешь, что это современный молодежный сленг и девушки уже давно привыкли, что их называют телками. В Индии до сих пор корова считается священным животным, а писатель Чехов, если помнишь, называл свою любимую актрису Книппер собачкой.

– Эдик, я не желаю быть телкой, даже святой. Это коробит мой слух и ассоциируется с женщинами легкого поведения, очень доступными и неразборчивыми в интимных связях,– потребовала она.

– К тебе это совершенно не относится. Ты прекрасная, уникальная женщина и я не могу представить, как раньше мог обходиться без тебя!– с мальчишеской запальчивостью заверил он. Выставил на письменный стол бутылку Алиготе, нарезал батон и сделал бутерброды со шпротами, салом, приправив их майонезом, дольками лимона и жестом пригласил Наташу к столу. Открыл бутылку сухого вина и разлил по стаканам.

– За тебя, моя бесподобная, за счастье любви, тобою дарованное,– стоя, провозгласил он тост. Сдвинули стаканы с золотистым напитком.

– Ужин, конечно, без свечей и не царский, – с иронией улыбнулась она, пригубив стакан с терпким вином.

– Но обещает нам райские ласки,– в унисон ей продолжил он и обнадежил. – Будет и на нашей улице праздник, знатные застолья с икрой и прочими деликатесами.

Они выпили, закусили скромными бутербродами.

– Натали, а где твоя богатая начальница проживает и денежки прожигает?– неожиданно спросил Муравич.– Наверное, в особняке или вилле на берегу Азовского или Черного моря, при ее то капиталах? Или в казино, как Алла Пугачева, валютой сорит?

– Зачем это тебе? Что ты задумал? – насторожившись, отвела от губ недопитый стакан Ласка.

– Пустые фантазии, но все же интересно знать, как живет деловая и состоятельная особа. Может быть удастся у нее научиться, как делать большие бабки, чтобы мы не испытывали постоянный дефицит средств на красивую жизнь. Для начала отправились бы с тобой в Ялту и погуляли от души, а потом махнули бы за кордон.

– Ничего особенного. Обитает в обычной типовой, стандартной двухкомнатной квартире девятиэтажного жилого дома и даже не от фирмы «Консоль ЛТД»,– ответила она, пристально взглянув на студента.

– Где именно? Назови адресок.

– Секрет фирмы, я не вправе разглашать место жительства сотрудников, а тем более президента.

– Секрет? Мне ничего не стоит узнать ее адрес по телефонному справочнику,– ухмыльнулся он.

– Неужели, подобно ушлому альфонсу, решил за ней приударить, чтобы прибрать к рукам капиталы?

– Сейчас очень модны такие разновозрастные браки. Она привлекательная особа, не утратившая очарования и прелести, таинственного шарма,– заметил студент.

– Она же тебе почти в матери годится, лет на двадцать старше,– с нотками обиды сказала Наташа.

– Шутка, я тебя ни на кого не променяю,– заявил он. – Хотя счастье, как принято говорить, не в деньгах, но нашей любви они не помешали бы. Невесты любят, когда их осыпают подарками?

Не дождавшись ее ответа, с мольбой во взгляде предложил:

– Давай, как и прошлый раз, займемся курсовой работой, мы ведь обещали Жанне Артемовне и слово свое должны держать.

– Какой ты нетерпеливый,– кокетливо прошептала она.

– Когда ты рядом, у меня нет других желаний.

«Любовь – это редкий дар божий и не каждый человек его удостоивается,– подумала Ласка.– Сколько можно ждать отважного рыцаря Айвенго на белом коне. Глупо в моем возрасте верить в красивые сказки. Но если и придется продавать свое красивое, гибкое и сладкое

тело, то по самой высокой цене. Это не блажь и не прихоть, ведь я должна иметь возможность при муже, партнере или любовнике холить, ласкать и бережно ухаживать за этим жаждущим наслаждений телом. А для него необходимы косметические препараты, лосьоны, шампуни от Лореаль Париж, парфюмерия от Коко Шанель, не говоря уже о полноценном питании, одежде, обуви, драгоценностях и духовных потребностях – театре, музеях, концертах и выставках, презентациях, фуршетах и банкетах в дорогих ресторанах и казино.

Именно, так должна поставить себя женщина, уважающая, ценящая свои женские достоинства и прелести. Досужая прежде поговорка о том, что с милым рай в шалаше, давно устарела, утратила свой изначальный смысл. Живем, ведь в эпоху прагматизма и поэтому от скоротечной жизни надо брать полной мерой – удовольствия и роскошь. Никто никого не вправе осуждать за эти приятные слабости. Жизнь и без того коротка, чтобы можно было пренебрегать наслаждениями, а тем более женщине, самой природой с древних веков предназначенной быть жрицей любви».

– Натали, о чем ты задумалась? – оборвал ее размышления Эдуард, сторая от нетерпения.

– Секрет, – улыбнулась она, воспринимая его, как временного попутчика, неспособного обеспечить ее потребности и капризы.

– Я же вижу по глазам, что тебе тоже очень хочется, – прошептал он, пристально с вожделением глядя в ее теплые агатовые глаза. Затем скользнул взглядом по волнующейся упругой груди за белой блузкой, гибкой и тонкой талии и округлым бедрам. Смело положил ладонь на ее красивое колено в черных с орнаментом колготках. Ощутил, как напряглось, а затем осенним листом затрепетало ее гибкое тело.

– Давай попробуем, – попросил он ее почти с мольбой в голосе, боясь, что она вдруг откажет. На какой-то миг Наташа замерла, словно прислушиваясь к учащенному биению сердца, охваченная желанием и нарастающей страстью.

– Если ты будешь держать меня на голодном пайке, то я найду себе другую подружку. Они мне сами на шею вешаются, – мягко, шутя, пригрозил студент. – Не забывай, как поется в песне, что по статистике девочек больше, чем ребят. Ты же не хочешь остаться старой девой? Правильно, наверное, говорят: для того, чтобы заняться любовью, женщине нужна причина, а мужчине – укромное место.

– Эдик, ты – большой оригинал. Очень укромное место отыскал. Здесь мы, как в аквариуме, чего только стоит суровая вахтерша, – упрекнула Ласка. – А где же романтика, стихи, возвышенные чувства?

– Натали, картину Рембрандта смотрела?

– Нет, – не поняла она суть вопроса.

– Тогда без лишних разговоров, живо в постельку! – велел Муравич. – Мы должны дорожить каждой секундой общения, пока не нагрязнула вахтерша со своей пещерной совковой моралью. Надо во всем быть прагматиками, рационалистами. Наш век очень динамичен, а время быстротечно, поэтому нет смысла тратить его на пустые разговоры. Пора тургеневских, да и чеховских сентиментальных барышень канула в Лету. Пока стучит сердце, следует брать от жизни полной мерой, пить мед любви ковшами. Вспомни, как прежде говори: с милым рай в шалаше.

– Устарела эта поговорка. Она была хороша для темных, полуграмотных и забитых вечной нуждой бабушек и дедушек, – возразила Ласка. – Ныне муж или любовник обязан исполнять хотя бы две главные функции: постоянно обеспечивать женщину деньгами и дорогими подарками и удовлетворять и не только в постели, но и выполнять все ее просьбы, капризы и прихоти. Не забывать, что для нас самые лучшие подруги – бриллианты. Ты способен на это?

– Пока нет, – опустил голову студент.

– Ласка, ты – чудесная сказка. Давай поженимся, чтобы ни днем, ни ночью не расставаться, устроим бесконечный медовый месяц, а лучше год..., – предложил Эдуард. – Не могу без тебя, ты меня околдовала. Живу в ожидании этих сладких мгновений.

– Поженимся и пойдем в подземный переход копейки шибать. Кто нас кормить, одевать будет? – возвратила она его в реальность.

– Ты работаешь, нам на первый случай хватит.

– Этих средств недостаточно для красивой жизни и тебе ни к лицу роль альфонса и нахлебника, сидящего на шее у хрупкой женщины.

– Я найду способ для обогащения, – заверил студент. – Солнышко, ты бесподобна, ты очаровательна, – произнес он, по-мальчишески дерзко и решительно закрыв ее влажные и мягкие губы поцелуем.

Каждая женщина – это непостижимая загадка. Именно своей таинственностью, изюминкой и непредсказуемостью она влечет к себе мужчин, в своих поступках прямолинейных и менее изобретательных. Вдох восторга вырвался из девичьей груди, затрепетала, охваченная блаженством.

Из древнеиндийского трактата о любви Камасутры студент узнал, что похотливость женщины превосходит мужскую, поэтому без тени сомнения полагал: «Теперь Ласка будет жить в нетерпеливом ожидании встречи, чтобы отдаться охотно и страстно, удовлетворив свою плоть. Поэтому сладкие ощущения близости ему гарантированы.

– Натали, куколка моя ненаглядная, радуйся и гордись! Теперь и у тебя, как у голливудской знаменитости, есть свой бой-френд! – с восторгом заявил студент. – Имей в виду, девушку, у которой нет бой-френда, считают неполноценной, дефектной...

– Ха-ха-ха! Удивил до слез, – рассмеялась Ласка. – Если захочу, то у меня будет с десяток таких бой-френдов. Другое дело, если бы ты был олигархом. Запомни, что я – девушка строгих правил и не желаю свою красоту, молодость и чувства разменивать по мелочам.

Они сделали паузу. Выпили еще по полстакана Алиготе. И на сей раз, Ласку не пришлось уговаривать.

– Эх, Наташка-ромашка, сладкая моя девочка, для полного счастья нам не хватает кучи бабла, – посетовал Эдуард. – Хотя, кажется, какой-то кретин придумал для таких же идиотов, как и сам, афоризм о том, что счастье не в деньгах. Может оно и так, но без купюр, а значит и возможности одарить тебя подарками, удовлетворить женские капризы, очень тоскливо. Где бы их раздобыть? После знакомства с тобой я постоянно думаю об этом. Боюсь, что ты рано ли поздно сбежишь к какому-нибудь жирному борову, у которого куры деньги не клюют.

– Ага, испугался, здорово я тебя приворожила к себе, – с удовольствием, осознавая силу своих женских чар, произнесла Наташа. – А деньги следует зарабатывать умом и талантом, как Алла Пугачева, Филипп Киркоров, Алсу или Николай Басков и другие. А если нет ни того, ни другого, то физическим трудом.

– Легко сказать, умом и талантом. Лишь Богом избранные наделены талантом. К тому же для раскрутки и рекламы любой звезды необходим капитал, иначе она погаснет, так и не засияв. Физическим трудом, работая день и ночь, разве что на хлеб и воду заработаешь. Ты думаешь, что олигархи, та же твоя Стужина, мозолями капитал сколотили?

– Ника Сергеевна не олигарх, но состоятельная женщина, всего добившаяся благодаря своему уму, деловой хватке и коммуникабельности, – возразила Ласка. – Она достойна подражания.

– Хорошо, она редкое исключение, – согласился студент. – А в большинстве своем, как скандально знаменитый Мавроди со своим МММ, крупные мошенники и аферисты, обобравшие миллионы доверчивых людей через «финансовые пирамиды», фиктивные банки и страховые компании, а также прихватившие ранее общенародную собственность. С каждого из них, как с гуся вода, потому, что действует принцип: ворон ворону глаз не выклюет. Жируют бур-

жуи и бесятся от избытка валюты. Коттеджи, иномарки, юные красавицы... все им доступно, все куплено. Лишь бедному студенту некуда податься.

– Не все продается за деньги, особенно любовь женщины. Отольются мошенникам овечьи слезы, – завершила Ласка. – Господь зрит и каждому воздаст должное.

– Блажен, кто верует. Свалится на наши головы новая чума, – вздохнул Муравич. – Сколько еще ждать у моря погоды, надо действовать хитростью и тогда у нас тоже заведутся не только рубли, но доллары, евро. На выигрыш, джек-пот рассчитывать глупо.

Произнес с оптимизмом, словно наяву ощутил хрустящий шелест купюр большого номинала. «Наверное, не существует женщин, которые были бы совершенно равнодушны к деньгам, роскоши, драгоценностям», – с досадой подумал студент и его осенила идея, как быстро получить деньги. Но он решил утаить ее от своей возлюбленной.

– Клево быть богатым и независимым, хотя от пули никто не застрахован, – размышлялся Муравич. – Мы бы с тобой Наташка при наличии шальных денег на полную бы катушку погуляли. Поверь, мне неловко, совестно, когда ты сама оплачиваешь заказ в кафе. Готов в такой момент сквозь землю провалиться, чувствую себя альфонсом. Сказывают, что в больших городах у богатых дам молодые альфонсы нынче процветают, катаются, как сыр в масле.

– Ничего, Эдик, моя начальница тоже начинала свой бизнес с капитала в двести долларов, а теперь куры деньги не клюют. Точно не знаю, сколько у нее на личном счету, тайна вклада, да и не в моих правилах считать чужие деньги, но полагаю, что более пятидесяти тысяч в “зеленой” валюте. Вот и ты выучишься, займешься прибыльным бизнесом и быстро разбогатеешь. Тогда, надеюсь, что будешь угощать меня в самых дорогих ресторанах и дарить драгоценности. Это обычные женские слабости. Если к тому времени не заболеешь жадностью, не будешь трястись над каждой копейкой.

– Обязательно разбогатею, вот те крест, – с пафосом заверил он и неумело перекрестился. – Одарю, осыплю золотом и цветами. Но при этом буду помнить, что копейка рубль бережет.

– Долго ждать не собираюсь, женский век, как и молодость, красота мимолетны, – предупредила Ласка. – А у меня, между прочим, есть выбор, на тебе свет клином не сошелся. Ника Сергеевна хоть завтра готова познакомить со своим сыном Феликсом. Он всего лишь на год старше меня. Вот тогда точно, проблем с валютой не будет, а значит и с удовлетворением потребностей.

– Никаких железных Феликсов, рыцарей революции и прочих ухажеров, – возразил студент и неожиданно предложил. – Что, если потрусить твою начальницу, тогда бабок на красивую жизнь с шампанским и розами надолго бы хватило?

– Ты, ты, с ума спятил? – встрепелась Ласка, приподняв голову с подушки. – Выкинь этот ужасный бред из головы, иначе мы с тобой расстанемся раз и навсегда...

– Не паникуй, я пошутил, – спохватился Муравич.

– Ну, и шуточки у тебя! – она удрученно покачала головой. – Не смей больше о таком способе обогащения даже думать.

Она невольно отстранилась от Эдуарда, словно от прокаженного. Но он властно обнял ее за теплые плечи и прошептал с нежностью в голосе: – Не будь слишком впечатлительной, смотри на вещи проще, ведь чему быть, того не миновать.

– Удобная философия, – упрекнула она. – Как у перекасти-поле, которое носит из стороны в сторону ветром.

– Наташенька, прости родная, я ведь без дурного умысла, – поцеловал он ее теплую руку. – Ты у меня самая красивая, самая нежная и... Давай еще раз в знак примирения и согласия. Я без тебя не могу. Время, проведенное в одиночестве, считаю безнадежно потерянным.

– На первый раз прощаю, – прошептала она, учащенно дыша. – Какой же ты ненасытный и неутомимый.

Идиллию, пиршество любви прервал громкий стук в дверь, возвративший их из мира хмельных и сладких грез к суровой реальности. Грубый, скрипучий голос вахтерши развеял фимиам романтики:

– Выходи, Ласка, заочница! Твое время истекло!

Муравича, словно катапультой сбросило с постели. Он взглянул на часы 23.05 и с грустью подумал: “Неужели в любовных утехах и играх, в сладком упоении так быстро прошло время и как, порой, оно долго тянется в ожидании очередного свидания”.

– Открывайте, я знаю, что вы там, – в перерыве между стуком подала голос Жанна Артемовна и специально громко, чтобы слышали в коридоре и других комнатах. – Курсовую работу они выполняют. Образцовое общежитие превратили в бордель.

– Во, старая сутенерша, секунда в секунду пришла, поскупилась на лишние полчаса-час, даром я шоколадкой пожертвовал, – в сердцах прошептал огорченный студент.

Едва Ласка успела прикрыть наготу, как вахтерша открыла дверь. Сурово, словно скульптура работницы или крестьянки из железобетона, но без серпа, Жанна Артемовна застыла в проеме, величественно и невозмутимо. Потом бросила осуждающий взгляд на разобранную со смятой белой простыней кровать, хранящую тепло молодых тел. Медленно перевела взгляд на недопитую бутылку вина и стаканы на столе и, не обнаружив там учебников и конспектов.

– Так вот какой курсовой работой вы здесь занимаетесь. Теперь мне понятно, почему Дерюга и Злотник выскочили из общежития, как ошпаренные, – изрекла она угрожающе. – Живо проваливайтесь отсель! Не хватает мне еще из-за ваших свиданий больших неприятностей.

– Вам завидно стало? – ухмыльнулся Эдуард.

– Глаза, беньки твои бесстыжие, – возмутилась, подперев руками бесформенные бока вахтерша. – В мое время такой распушенности и срама не было, в строгости себя держали и парни, и девушки, за аморалку из комсомола и партии исключали.

Невозмутимо под тяжелым командорским взглядом мадам Дюрель они оставили общежитие, вышли на полуосвещенную улицу.

– Ласка, я не могу без тебя, давай поженимся, – снова заканючил студент, порываясь поймать ее хмельные губы.

– Эдик, какой ты, однако, шустрый. Наверное, считаешь меня дурой? Ты не подумал, где и на какие шиши мы будем жить, – охладила она его пыл и словно огласила приговор. – Ни двора, ни кола, типичные бомжи. Нищета к бедноте липнет, так мы никогда в белые люди не выйдем, а в олигархии тем более. Лучше подыщи себе девицу из высшего общества. Я тоже присмотрю состоятельного жениха, чтобы не прозябать в нищете. У меня есть на примете очень симпатичный мальчик из богатой семьи.

Вопреки ожиданиям студента, Ласка осталась недовольна встречей, а может, изобразила тоску. На его предложение прогуляться по пустынным аллеям и укромным уголкам парка, она велела проводить ее домой. Эдуард не осмелился возразить. В полуосвещенном подъезде остановились.

«Хорош женишок? Когда надо подставить плечо – в кусты, – с досадой подумала Наташа. – Подруги ведь предупреждали, что он ветреный, ненадежный. Добивается от девушки интимной близости и убегает к другой, среди приятелей похвастается своей коллекцией. Правильно поется: «Сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду я одна». Пока не обрюхатил, разумно прекратить с ним отношения. Может, действительно, увлечется Феликсом? Из Стужиной получится добрая свекровь, а то ведь, не приведи Господь, попадется такая, как Жанна Артемовна. Тогда хоть на всю Ивановскую кричи: «Караул!»

– О чем ты задумалась, Натали?

– О судьбе, которая часто бывает суровой. Не случайно говорят: «Не родись красивой, а родись счастливой».

– При твоей красоте и магии не стоит печалиться.

- У многих красавиц судьба сложилась трагически.
- Когда мы еще встретимся? – с тревогой спросил студент.
- Зачем? – озадачила она его вопросом.
- Не могу без тебя...

– Эдик, это я уже слышала, – оборвала Ласка и сухо заметила. – Натешился и хватит. Не все коту масленица, больше на мои ласки не рассчитывай. Такие забавы для девушек часто кончаются беременностью. У наших отношений нет перспективы...

– Натали, если ты имеешь в виду деньги, то я в лепешку расшибусь, но достану! – запальчиво пообещал он.

– Не надо таких жертв, – она отвела губы, позволив поцеловать себя лишь в щеку, вошла в кабину лифта, поднявшего ее на шестой этаж. Студент по-своему истолковал перемену в ее настроении, резкое охлаждение и сделал для себя вывод, что современных девушек романтическая, но голая любовь не греет. Нужны деньги на рестораны, дискотеки, подарки и чем их больше, тем и любовь разгорится ярче.

6. Рыцарь без страха и упрека

Между тем, продолжая свидание в кафе «Голубые грезы», Павел Иванович наполнил фужеры и предложил Стужиной:

– Давай выпьем за взаимопонимание. Ведь это довольно редкое явление, когда тебя понимают, даже с полуслова, а может быть и по выражению, мимике лица, глаз, губ. И не только понимают, но и доверяют.

– Павел, нам пора сворачивать беседу, все вопросы обсудили. Давайте дружить и не более...

– Между мужчиной и женщиной не бывает обычной дружбы, – ответил юристконсульт. – Ведь у нее обязательно возникнет желание повелевать, требовать деньги и подарки, а без интима это не реально.

– Пожалуй, у мужчины, а тем более офицера, быстрее возникнет желание командовать, демонстрируя свое превосходство?

– Не у каждого, разве что у альфонса.

– Женщины тоже бывают разные, – заметила она. – Я вполне обеспеченная, в спонсорах не нуждаюсь, сама могу одарить...

– Я в этом убедился, но самый лучший подарок – любовь, нежные чувства, – с затаенной надеждой произнес он.

– Да, это божий дар и он не подлежит размену по мелочам, ради вспыхнувшей страсти и похоти, – подтвердила она.

– Милая Ника, если не возражаешь, то я оставлю тебя на пару минут, пойду курну? Страсть, как хочется, аж уши пухнут. Недаром говорят, что привычка – вторая натура.

– Мне не нравится, что ты куришь. Это вредно для здоровья. Табачный запах убивает парфюм, даже французские духи. Бери пример с Рэма Анисимовича, он не пьет и не курит, ведет здоровый образ жизни, – посоветовала она.

Лешук удалился в комнату для курения, так как из уважения к своей прелестной спутнице не потребовал от бармена пепельницу, как это сделали другие завсегдатаи. Едва он скрылся из поля зрения, как мужчина в малиновом пиджаке поднялся из-за стола и под одобрительные возгласы своих приятелей подошел к Стужиной. Небрежно бросил бармену:

– Оборот, давай музон, заводи свой патефон на полную катушку!

Тот не посмел послушаться: зазвучало медленное танго.

– Мадам, позвольте пригласить вас на танец, – гнусаво-приторным голосом произнес незнакомец, выпучив на нее оловянно-хмельные глаза. Она натолкнулась на похотливо-вожделенный взгляд голодного минотавра и ощутила угрозу.

– Извините, с чужими мужчинами не танцую, – ответила Ника, откинувшись на спинку стула, с надеждой поглядела в сторону, куда удалился юрисконсульт. Малиновый жадными глазами голодного самца впился в ее упругую грудь и крепкие округлые бедра, очерченные тканью вечернего платья.

– Значит, брезгуешь, презираешь, рылом, мол, не вышел? – рассмеялся потенциальный танцор. Навис над нею своим громоздким, как шкаф, телом, подал потную ладонь. – Зато у меня «капусты» куры не клюют. Давай знакомиться для общего кайфа.

– Нет, нет! – категорически заявила она, прикрыв лицо ладонью, дабы не вдыхать исходящий от настырного танцора стойкий перегар.

– Не ломайся, как сдобная булка, я на тебя поставил, – слюнявя жирные губы, заявил он. – Видишь, кореша глаза вылупили, зеньки из орбит лезут. Поспорили на бутылку коньяка, что я тебя легко закадрю, отобью у твоего шмаровоза.

– Пари? Я не игрушка! – возмутилась президент, но он резко схватил ее за тонкое запястье левой руки. – Не зли меня, лоханка.

– Отстаньте, больно ведь! – взмолилась Стужина, поднявшись со стула и пытаясь вырваться из его клешни. Бармен, привыкший к подобным сценам, равнодушно взирал, девушка-официантка спряталась, а друзья Малинового потешались, подбадривая его возгласами:

– Горячая кобылка попалась, выставляй коньяк.

– Болт вам на рыло! – заявил Малиновый. – Еще ни одна баба от меня не ушла...

Оскалив зубы и, пожирая ее похотливыми глазами навывкате, потянулся волосатой лапшей к блузке, под легкой тканью которой волновалась соблазнительно упругая грудь. Краем глаза Стужина с ужасом увидела на его руке татуировку, изображение кинжала, переплетенного змеей. Она резко поднялась и замахала руками, пытаясь защититься.

– Мужчина, гражданин, что вы себе позволяете?! В своем ли уме, как посмели! Это верх хамства и наглости. Ведите себя прилично...

– Ох, ах, какая недотрога, – процедил он, оскалив крупные с желтизной от никотина зубы.

– Я не та, за которую вы меня приняли, я – президент фирмы! – в отчаянии воскликнула она, стремясь избавиться от настырного мужика.

– Ба-а, вот так встреча! Значит ты, президент, пахан? – вопреки ожиданию женщины, полагавшей, что после этой информации он отстанет, наглец удивился и обрадовался. – На какой фирме хороводишь?

– «Nika», – в порыве возмущения призналась она.

– Кто «крышует» твою шарашку? Гляжу, сколько рыжиков на тебе, – он с завистью покопался на золотое колечко с бриллиантом, сверкнувшее на ее пальце, браслет и часы на тонком запястье, кулон на шее и серьги с зеленым нефритом в мочках ушей и прикинул. – Штук восемь баксов, не меньше. Я буду тебя шикарно канифолить. Эх, погуляем на шару! С такой камелией, парапетчицей козырной, мне еще не приходилось иметь фарт. Набздюм филки рыжие коцать будем.

– Что, что! – не поняла она его сленг по фене.

– Вдвоем будем в золоте купаться, – перевел он на обыденный язык. – У меня бабла завались! Кинь ты своего папуаса. Подгребай к нашему шалашу, не прогадаешь. Вишь, какие братки закадычные, будешь очень довольна, не подкачаем.

Стужина промолчала, с горечью осознав, что из-за волнения допустила несколько ошибок, которые могут оказаться роковыми, открыла свою должность и название фирмы.

– Павел! Паша-а! – в отчаянии позвала президент. Малиновым небрежно положил ладонь на ее грудь. Свободной правой рукой Стужина вlepила пощечину и замерла, оторвав руку от его сухой, как барабан, кожи, нечаянно поцарапала его перстеньком с бриллиантом.

– Ах, ты, шалава, портрет испортила! – взвыл незнакомец. Провел ладонью по раненой щеке. Увидел на коже алую кровь, вытер пальцы о женское платье и прошипел:

– Щас я тебя, козу дранную, пушу по рукам. Кончай крутить «динамо», строить из себя антилопу.

Заскрипев зубами, озверел Малиновым, не ожидавший от хрупкой, беспомощной женщины такой прыти. Он занес над ее прелестной, вжавшейся в хрупкие плечи, головой свой пудовый кулак. Лещук выскочил на женский крик, увидел крупного незнакомца, вцепившегося, словно зверь, когтями в руку Ники. Павел метнулся горным барсом, перехватил рукой его запястье. Попытался заломить локоть руки, но незнакомец оказался достойным соперником, устоял перед приемом.

– Отвали, чувак, а то сделаю жмуриком, выпишу деревянный тулуп, – сквозь зубы процедил громила.

– Ша-а, стоять, гнида! Руки за спину! Поди, с Волги?

– Почем догадался, хмырь? – опешил малиновым.

– На твоей дебильной морде написано. Не одну сотню таких гавриков по этапу отправил.

– Значит, мент поганый? Ты, паря, не гони пургу, а то получишь в тыкву, – угрожающе произнес Малиновым и кивнул на собутыльников. – Братва поможет, в бараний рог скрутим.

– На воздух, мужики, на воздух! – резвым козленком выбежал из-за стойки бармен. – Здесь не место для кулачных боев. Если хоть один фужер или бокал разобьете, хозяин с меня семь шкур сдерет. На воздух, мужики, там и бодайтесь, а то вызову милицию, омонцовцев и повяжут, как глупых баранов.

– Пацаны хотят парашют пузырить, аж кровь в жилах закипает. Отдай бабу, отработаем по полной программе и вернем в полной сохранности. Не пожалеешь, хорошо заплачу, бабло есть. – Малиновым вытащил из кармана туго набитый купюрами портмоне.

– Отвали, она моя жена. Я – майор милиции! Угрозыск!

Кореша, поспешившие было на помощь, в недоумении остановились на полпути.

– Покажи ксиву? – не поверил дебошир. Павел Иванович свободной левой рукой достал из кармана удостоверение, которое не сдал после ухода со службы. Тот вперил взгляд.

– А-а, гренадер, майор, мое почтение, – пробурчал он сконфуженно и сквозь зубы прошипел, обернувшись к женщине. – С тобой я еще поkvитаюсь. Ты об этом горько пожалеешь.

– Стоять, руки за спину! – приказал майор и в интонации волевого голоса незнакомец почувствовал силу и угрозу, а Лещук обратился к пострадавшей. – Что случилось, Ника?

– Я отказалась танцевать, а он стал ломать руку, – со слезами в голосе пожаловалась Стужина, упрекнула. – С самого начала почувствовала, что в этом гадюшнике опасно.

– Кто бы мог подумать? – покаялся Павел и надвинулся на Малинового. Увидел его рыхлое, испитое и побитое, словно градом, оспой лицо с приплюснутым, как у боксера носом, злые глаза из-под нависших бровей, полуоткрытый в презрительной гримасе рот с редкими резцами, ощутил зловонное дыхание с перегаром. Его колючий взгляд натолкнулся на острый, как бритва взгляд юрисконсульта и потускнел. Традиционное в таких ситуациях «пошли выйдем, поговорим» не прозвучало.

– Сейчас вызову группу захвата, ОМОН или «Беркут»! – громко пригрозил юрисконсульт и достал мобильный телефон, ожидая реакции со стороны незнакомцев. Но их опередила Стужина.

– Нет, нет, нет! Это исключено, – испуганно произнесла женщина. – Мне дурная слава ни к чему. Не хочу, чтобы мое имя попало в милицейские протоколы и сводку, а оттуда в прессу, газету или в телепрограмму «С места происшествя». Разразится скандал, подрыв деловой

репутации. По городу поползут слухи о том, что президент фирмы «Nika» бродит по ночным барам и клубам с сомнительной репутацией.

– Позабочусь, чтобы не произошло утечки информации.

– Нет, нет, Павел Иванович, избавьте меня от этих неприятностей.

В своем испуганно-взволнованном состоянии Ника была еще более женственной и желанной. Лещук залюбовался ею.

– Да, при вызове наряда милиции без составления протокола, дачи объяснений не обойтись, – подтвердил он. – Это как раз тот случай, когда себе дороже. Значит, спустить дело на тормозах?

– На тормозах, – охотно подтвердила президент. – Не надо горячиться и терять голову. Пошли из этого притона. Ни одной минуты не желаю здесь оставаться. Мне надо срочно принять ванну и переодеться. Этот козел вытер о мое платье свою мерзкую кровь.

– Нельзя, успокойся, родная.

– Почему? – подняла она встревоженный взор.

– Потому, что я не из тех, кто уступает и отступает, что является признаком слабости и трусости. Они посчитают такой исход нашим поражением и своей победой, – ответил Лещук. – Никогда дезертиром не был и никто от меня этого не дожидается. Не в моем характере пасовать перед трудностями, метать бисер перед свиньями и проигрывать. Дорогая, наберись терпения, у них сдадут нервы. Этот вшивый контингент я хорошо изучил. Несмотря на свирепый и грозный вид, они не отличаются отвагой и твердостью воли.

Стужина опасливо оглянулась на, не сводящих с нее глаз, мужланов и с тревогой продолжила:

– Они настроены слишком агрессивно. Добавят градусов и снова начнут приставать, как голодные самцы.

– Нет, не станут рисковать, – спокойно возразил юристконсульт. – После того, как они узнали, что я офицер милиции и готов вызвать ОМОН и «Беркут» вряд ли полезут на рожон. Не захотят мотать срок за «колючкой». Хочешь, я заставлю эту малиновую рожу принести тебе извинения, опуститься на колени? Так и напрашивалось продолжение «поцеловать руку», но Лещук вовремя понял, что это прозвучит бестактно, не хватало, чтобы этот шакал еще слюнявил руки такой очаровательной женщине.

– Нет, нет, не нужны мне его гнусные извинения, – возразила она. – Все повториться сначала. Не желаю видеть его физиономию.

Павел наполнил рюмки коньяком и предложил:

– Давай выпьем, тебе надо снять стресс.

– Хорошо, – согласилась Стужина.

– Ника, я восхищен тобою! – произнес он, бережно лаская изящные пальцы ее покорной руки. – Не ожидал от тебя такой отваги, не побоялась, влепила быку пощечину. Не каждая женщина способна так решительно отреагировать. Это говорит о твоём горячем темпераменте и пламенной страсти...

– Не преувеличивай. Это реакция обостренного чувства справедливости и собственного достоинства, неприятия зла, насилия и хамства, от кого бы оно не исходило, – уточнила она. – Человек, если он не раб и не лакей, только так и должен реагировать на грубость и дикость. Возможно, что он растерзал бы меня, но ты вовремя пришел на помощь. Искренне тебе благодарна. Этот случай для меня станет уроком, подальше держаться от питейных и злачных мест, где есть риск быть ограбленной, изнасилованной или убитой.

– Ника, выкинь из головы эти мрачные мысли. Проверю я у этих жлобов паспорта, кто они и откуда? Вдруг находятся в розыске, – ощутил он профессиональный интерес.

– Оставь их в покое, не связывайся, – всполошилась она, охваченная внезапным страхом, в оправдание прошептала. – Павел, ты один, а их трое, очень опасно. В любом случае скандал может серьезно навредить нашей деловой репутации.

– Тогда выпьем за то, что обошлось без больших потерь, – предложил юрисконсульт. И в этот момент, очевидно подслушав их разговор, с виновато-покаянным видом подошел малиновый и двое его собутыльников с фужерами, наполненными коньяком.

– Майор, мадам, мы погорячились. Пацаны захотели парашют пузырить, – произнес виновник конфликта. – Давай выпьем. Кто старое помянет, тому глаз вон! И ты, цесарка кудрявая, не дуйся, как мышь на крупу. Кто ж знал, что ты президент, думал, что дурку валяешь, строишь из себя королеву Марго.

Лешук молчаливо взирал на посетителей, а Стужина, прикрыла лицо ладонями, словно таким способом стремясь от них отгородиться.

– Нэ бижайся началник, осечка получилась, на старух бывает прорух, дырк от баранк. А твой баб, пальчик оближешь, – пояснил смуглолицый коренастый мужчина с черными, как смоль усами на скуластом лице. В нем юрисконсульт безошибочно определил «лицо кавказской национальности». Третий его соотечественник держал фужер в дрожащей руке и, словно попугай, повторял:

– Тому глаз вон, тому глаз вон...

– Нет, господа фартовые, в другой раз, – примирительно, решив не злить зверя, произнес Лешук.

– Брезгуешь, начальник-гренадер, – изобразил обиженную мину бывший зэк и залпом выпил коньяк. Другие последовали его примеру.

– А ты, еще горько пожалеешь, что побрезговала нами, – процедил сквозь зубы Малиновый, пронзив женщину злым взглядом. Когда они присели за свой столик, Стужина поинтересовалась:

– Ты знаешь, кто они такие?

– Впервые вижу, но догадываюсь, чем занимаются. Тот, что в малиновом пиджаке, из ранее судимых, бывший уголовник, скорее всего иногородний, приبلудный, прибывший на гастроли, чтобы сорвать куш. Прежде наши пути с ним не пересекались. Да и подельники, ему под стать.

– Они могут нам отомстить, в глухом месте или в темном подъезде.

– После того, как ты его припечатала пятерней, нам сам черт не страшен. К тому же не забывай, что я кандидат в мастера спорта по боксу, рукопашному бою и боевому самбо. Пусть только сунуться.

– Павел, ты мой спаситель, рыцарь без страха и упрека. Спасибо, ты, действительно, последний из могикан, – с благодарностью и нежностью призналась она и положила свою теплую ладонь на его большую и сильную руку. Лешук ощутил, как в груди тепло толкнулось сердце, охваченное хмельной истомой. Этот жест он воспринял, как знак доверия и неизбежной награды. А Ника подумала о том, что ее красота магически воздействует на мужчин, возбуждая в них похотливые чувства и поэтому очень рискованно появляться одной в ночных клубах и питейно-развлекательных заведениях. Своим появлением она невольно провоцирует захмелевших мужчин на сексуальные домогательства, поэтому дала зарок не посещать ресторанов, казино и баров в ночное время.

В следующее мгновение ее осенила мысль. «А не подговорил ли Павел своих бывших коллег разыграть эту душеспасительную сцену, чтобы преподнести себя в героическом виде и тем самым завоевать ее благосклонность? – неожиданное сомнение закралось в ее сознание. – Уж слишком классически, в духе водевиля исполнены роли, тем более, что до физических действий, травм, увечий и крови дело не дошло». Ника отогнала прочь эту версию, радуясь

тому, что все обошлось без громкого скандала и значит, ее безупречной репутации ничего не угрожает.

Малиновский вместе с приятелями, покончив с коньяком и водкой, с угрюмыми, озабоченными лицами поднялись из-за стола. У самого выхода главари задержали на Стужиной испепеляющий взгляд стальных с колючими зрачками глаз. Она не выдержала и опустила взор, пока они не покинули «Голубые грезы».

– Павел, уже поздно, я не желаю оставаться в этом гнусном заведении. Они добавят и опять начнут приставать, – заявила Стужина.

– Хорошо, дорогая, – согласился он, чувствуя, что дальше оставаться нельзя, ибо может спровоцировать скандал. Лешук расплатился. Помог Стужиной облачиться в дубленку. Они вышли на сверкающую в хрустале наледи улицу и словно окунулись в сказку.

– Ника, ты – сокровище! Я готов стать твоим личным телохранителем, чтобы постоянно днем и ночью быть рядом.

– Спасибо, ты меня уже защитил, – улыбнулась женщина. – Но для фирмы намного полезнее в качестве юрисконсульта.

– Жаль. Тогда приглашаю тебя в гости на чашечку кофе.

– Эх, Павел, не торопи меня, я должна глубоко разобраться в искренности, глубине и силе своих и твоих чувств, чтобы в очередной раз не испытать горечь разочарований.

– Дорогая, милая, хотя любви все возрасты покорны, но у нас лимит времени, сколько той жизни осталось? – напомнил Лешук. – Я предлагаю тепло и нежность своего сердца. Поражаюсь твоей стойкости, можно сказать, нордическому характеру. Очаровательная женщина, в расцвете красоты и сил, я тоже – крепкий, здоровый мужчина. Неужели у тебя, Ника, не возникает естественного желания, потребности?

– Не торопи события, – снисходительно улыбнулась она. – Мы не животные, чтобы по первому сигналу удовлетворять свои похоти. Это примитивная физиология, животный инстинкт. Настоящие чувства озарены любовью. Нам дан разум для управления своими эмоциями, страстями и желаниями. И вообще, об этом неприлично говорить вслух.

– Ты неприступна, как крепость. А ведь жизнь быстротечна и полна неожиданностей, – хмуро заметил он.

– Прекрасно отметили победу над «Трояндой», надолго запомнится, – виновато улыбнулась Стужина.

– Обещаю, что это не последняя победа в пользу фирмы «Nika», – заверил Павел Иванович, ощутив ее искренность. – Так ты мне оставляешь надежду на новую встречу?

– Павел, сама природа настроена против нас, холодно и неудобно, как в ледяном дворце, – заметила женщина. – Давай дождемся весны, а затем и солнечного лета и спрячемся от посторонних глаз на пустынном берегу Азовского или Черного моря. Я знаю живописные, прелестные места вблизи мысов Казантип, Опук, Зюк, Такиль или Ак-Бурун... Только там ощутим себя детьми природы.

Женщина заразительно рассмеялась, воспламенив в нем кровь. Но смутилась, застыдившись своей очень рискованной девичьей шалости. Вспомнила, что именно в юности такой смех стал прелюдией первой интимной близости. Тогда, почти двадцать лет назад, сама того не подозревая разожгла неугасимую страсть в юноше, овладевшим ее горячим телом и ставшим через девять месяцев отцом ее первенца.

– Ой, что это я расслабилась, – смутилась она и приложила палец к губам, словно захотела их замкнуть или заклеить.

Лешук ощутил неодолимое желание заключить ее в жаркие объятия. Ника, по тому, как напряглось его сильное тело, лихорадочно заблестели зрачки, ощутила намерение мужчины и испугалась.

– Павел, Паша, только без рук, я пошутила, – сделала она шаг назад и, изловчившись, гибкой пантерой выскользнула из кольца его крепких, готовых сомкнуться на талии рук.

Они приблизились к подъезду ее дома. Лещук, изловчившись, крепко обнял ее за девичьи тонкую талию. Стужина ощущала, как от нахлынувших чувств, подкашиваются ноги, а в висках пульсирует горячая кровь. Со страхом осознала, что еще одно мгновение и со вздохом отчаяния уступит своим и его желаниям. «Нет, нет, Ника, ты же не глупая девочка, чтобы поддаться искушению, не давай волю чувствам, держи себя в руках», – приказала женщина себе и прошептала:

– Павел, Паша, не теряйте голову. Мы – пьяны и можем наделать глупостей. Потом стыдно будет смотреть в глаза друг другу...

– Ника-а, это же так естественно и приятно, не казни себя, не мучайся сомнениями. Никто не узнает, – ответил он. – Мне искренне жаль, что ты живешь неполноценной жизнью, как робот, исполняешь скучные функции президента, обкрадываешь себя.

– Нет, нет, это безумие. Вы, ты, совершенно не владеешь своими чувствами, с тобой опасно оставаться наедине, – возразила она, истолковав смысл слов «никто не узнает», как призыв к интимной близости. «Значит, он задался целью сделать меня своей любовницей, а потом помыкать и мною, и коллективом, – предположила женщина, пребывая в хмельном то ли от шампанского, то ли от возбужденных чувств, состоянии, но в ней проснулся упрямый характер. – Не бывать этому».

Лещук прибег к хитрости, нежно прошептал в ее розоватое от мороза ушко:

– Ника, я, кажется, озяб, пригласи на пару минут. Угости чаем или кофе?

– Павел, нельзя, видишь свет, – Стужина указала рукой на окна третьего этажа. – Феликс дома, что он о нас подумает? Не хочу выглядеть глупо. Сейчас я проверю на месте ли?

Она в меню мобильного телефона нашла нужный номер, нажала на клавишу вызова и услышала юношеский голос:

– Слушаю, мам.

– Сынок, ты уже дома?

– Да, я никуда и не уходил. А почему тебя долго нет?

– Задержалась на деловой встрече. Скоро буду дома, – ответила женщина, в душе обрадовавшись поводу отказать настырному Лещуку в гостеприимстве.

– Вот видишь, Павел, не судьба, – изобразила она на лице досаду.

– Что у Феликса нет девушки или он домосед?

– Они его пока не интересуют. Есть другое увлечение – ноутбук. Подарила ему на день рождения, и теперь сама не рада, – призналась Ника. – От мышки и клавиатуры невозможно оторвать. Музыка, игры, фильмы, Интернет... Часами просиживает, а ведь это очень вредно для здоровья и особенно, для зрения. Не обижайся, Павел, но в другой раз, когда Феликс будет на занятиях, я тебя обязательно приглашу в гости. А сейчас не место и не время. Сын расценит это, как мою попытку оправдать наше общение. На этот вечер достаточно «ярких» впечатлений, надолго запомнится, голова кругом идет.

– Понимаю твое состояние, – он покорно склонил голову, согретый надеждой на обещанную встречу наедине.

– Спасибо за понимание, – улыбнулась она с благодарностью.

– Тогда поехали ко мне и продолжим наше пиршество?

– Это невозможно. Мы взрослые люди и понимаем, к чему это приведет. Соблазн очень велик, не стоит подвергать себя испытаниям.

Воспользовавшись тем, что Лещук разомкнул руки на ее талии, она снова выскользнула из его объятий.

«Все равно я возьму эту неприступную крепость, добьюсь ее благосклонности и любви. Она сама восплает желанием и посчитает за счастье стать моей, если не женой, то любовни-

цей, – с согревающей его сердце надеждой подумал юрисконсульт. – А не закрутить ли мне для ускорения процесса по примеру героя кинофильма «Собака на сене» Михаила Боярского роман с Наташей Лаской, чтобы разжечь в Стужинной чувства ревности и зависти? Может это и есть ее «ахиллесова пята», которая сломит гордыню и слишком завышенную самооценку. Многие женщины вначале проявляют строптивость, а потом с удовольствием отдаются во власть страстей.

«Если я уступлю инстинктам и желаниям, позволив Павлу овладеет моим телом, то деловая и моральная репутации окажутся подмоченными, – размышляла Стужина. – Во-первых, я уроню себя в глазах сотрудников и акционеров, так как тайну сохранить не удастся. Ласка уже застала нас врасплох и, конечно, не удержится от оглашения этой пикантной новости. Во-вторых, я попаду в зависимость от своего подчиненного, ведь соблазнившись единожды, невозможно будет потом устоять перед сладким искушением. Чувствую, что он необычный, сильный и страстный мужчина. Куда неуклюжему и покладистому Рэму до него. С Павлом я бы познала блаженство любви, но скована цепями служебных отношений и правилами светской этики. Пожалуй, придется пожертвовать личным счастьем и сладкими соблазнами. Может, не следовало его принимать на работу, чтобы не осложнять личную жизнь? Хотя с другой стороны он опытный и полезный для фирмы профессионал».

– Павел, у меня из головы не выходит этот гнусный тип с корявым лицом, – призналась она, инстинктивно прижавшись к Лещуку и испуганно вглядываясь в темноту. – Он ведь угрожал, что обид не прощает. Из-за моего отказа пойти танцевать проиграл пари на бутылку коньяка. Вдруг серьезно решил отомстить?

– Не принимай близко к сердцу. Пустой треп, бравада, – ответил Лещук.

– Что мне теперь делать?

– Шить сарафаны и легкие платья из ситца, – пошутил юрисконсульт, вспомнив слова из некогда популярной песни.

– Павел, я серьезно, мне не до юмора, – обиделась она.

– Продолжай работать и радоваться жизни. Не принимай близко к сердцу. Забудь о нем, чтобы не отравлять себе настроение, – посоветовал Лещук. – И знай, что по первому зову я готов поспешить на помощь.

– Спасибо, утешил, – мягкими губами женщина поцеловала его в гладко выбритую, но все же жесткую, словно задубевшая кожа, щеку.

– Ника, родная, хорошая, еще ни одна женщина так не волновала мою кровь, – признался он, тронутый ее нежностью.

– Признайся, только честно, не обижусь. Может я третий лишний и у тебя есть счастливый обожатель, с которым тайно встречается?

– Никого у меня нет. Мое сердце давно уже свободно.

– Тогда я не врублюсь. Красивая, в расцвете физических и душевных сил женщина и не имеет достойного мужчины. Это совершенно ненормальное, даже абсурдное положение, нонсенс, – сделал он вывод.

– А почему ты считаешь, что женщина обязательно должна с кем-то спать. Я вполне обхожусь без этого. Кроме секса, на котором многие помешаны, есть множество других интересных и полезных занятий для реализации способностей и удовлетворения потребностей: литература, театр, живопись, рукоделие, цветоводство...

«Не слишком ли я сурова с ним? Павел в сложной и даже опасной ситуации показал себя настоящим мужчиной, не побоялся вступить за мою честь. Его следовало бы отблагодарить, как это способна сделать женщина – подумала Стужина, путаясь в сомнениях. – Другая женщина, оказавшись в моей ситуации, ни минуты не раздумывала бы и охотно отдалась во власть чувств и страсти, ни в чем себя не укоряя. Отблагодарила бы пылкой нежностью. И в этом нет ничего предосудительного. Чувства, инстинкты владеют мужчиной и женщиной с тех древних

времен, как они живут на грешной земле. А может один раз уступить в знак благодарности? Нет, стоит только один раз уступить, поддастся прихоти и тогда невозможно будет остановиться перед соблазном еще и еще раз испытать блаженство. Что же тогда меня сдерживает? Осторожность, трезвый холодный рассудок, боязнь скомпрометировать себя, низко пасть в глазах подчиненного и прослыть женщиной легкого поведения.

Чужая душа – потемки. Вдруг он вздумает меня шантажировать, угрожать. Скандал, подрыв репутации и крах карьеры. Надо все хорошо взвесить, чтобы чувства, инстинкт не возобладали над разумом. А если взглянуть на ситуацию с другой стороны, то не будь этого визита в «Голубые грезы», то не произошла бы досадная встреча с Лаской и ее студентом. На все сто процентов можно быть уверенной, что завтра все сотрудники будут знать о моем свидании с подчиненным. И уж тем более не возникла бы этой мерзкой встречи с наглым и похотливым уголовником и еще неизвестно, какое будет продолжение. Таких непредсказуемых субъектов лучше обходить десятой дорогой.

Первопричиной этих неприятных инцидентов стало приглашение Лещука и мое согласие провести злополучный вечер. Откажи я ему в самом начале и ничего бы не случилось. Поэтому, вступившись за меня, Павел исправил свою же ошибку, загладил вину. Моя уступчивость его желаниям была бы несоразмерна значимости его поступка. Нет, нет, на такую жертву, перечеркнув свое положение и репутацию, я не пойду. У него не должна возникнуть иллюзия легкой победы. Ведь то, что легко достается, впоследствии столь же низко цениться и может получиться, как в песне: «Была без радости любовь, разлука будет без печали». Мне ни к чему этот душещипательный эксперимент над чувствами и моральными терзаниями, а в перспективе скандальная слава покинутой женщины, мол «поматросил и бросил».

– О чем ты задумалась, Ника? – спросил Лещук, озадаченный ее отрешенным видом.

– Поздно, пора расставаться. Завтра много работы, – стремясь свернуть горячую тему, будничным, слегка уставшим голосом, промолвила Стужина и ощутила, что действительно устала от слишком острых и неожиданных впечатлений вечера.

– Все же тревожно, я и за тебя Павел, опасаясь. Вдруг эти трое верзил поджидают в глухом месте с пистолетом, ножом или арматурой в руках, – предположила Стужина.

– Волка бояться, в лес не ходить. Таких гавриков я пачками отправил по этапу в места не столь отдаленные...

– Могут отомстить.

– Конечно, могут, – охотно подхватил он ее мысль и пошел на хитрость, с надеждой взирая на женщину. – Поэтому, Ника, самой судьбой уготовано эту ночь провести вместе. Надо торопиться жить и любить, ведь время необратимо.

– Павел, не искушай меня без нужды. Мы пьяны, а такими делами надо заниматься на трезвую голову. Вспомни слова из молитвы «Господи, не введи нас в искушение и избавь от лукавого».

– Молитвами сыт не будешь. Ника, ты от меня не услышишь ни одного упрека, лишь одни восхищения! Обещаю, клянусь! – заявил он с жаром и надеждой и подумал: «Дорожа временем, я не привык к длительной осаде крепостей. Но в отличие от других женщин, готовых легко отдаться, Ника стоит того, чтобы ее долго добиваться. Внешне она холодна, словно стужа, но внутри пылает огонь неутоленной страсти, обещающей радость блаженства».

Он силою воли подавил желание, и эта резкая перемена Стужину озадачила: «После такого напора, когда она уже готова была уступить, вдруг неожиданная апатия? Значит, это мимолетный флирт, игра. Серьезность и прочность чувств проверяют время и испытания. Поживем – увидим, как дальше станут развиваться события и отношения. Не буду драматизировать ситуацию, все, что не делается, к лучшему».

– Эх, Ника – золотая мечта поэта и... следователя, – после долгой паузы вздохнул он с обреченным видом. В полночь они расстались у подъезда дома, где находилась квартира президента фирмы.

7. Яблоко раздора

На следующее утро Стужина, пребывая в добром настроении, расположилась в кресле. Рабочий день по привычке начала с просмотра свежих газет и журналов, дабы быть в курсе событий, не пропустить интересные и полезные публикации, в том числе, задевающие интересы фирмы. А уж затем углубиться в изучение текущей документации, перед тем, как поставить свою подпись и скрепить ее оттиском печати. Хотя она и находилась под негативным впечатлением от вчерашнего вечера в «Голубых грез», но утешало то, что смогла устоять перед искушением. Листала страницы, лишь вскользь обращая внимание на заголовки публикаций. «Все же надо иногда отрываться от дел и устраивать маленькие праздники, – подумала она. – В этом есть большая польза.

В неформальной обстановке, в непринужденной беседе и раскованности от хмеля, лучше узнаешь сотрудников, их потенциальные способности и возможности, замыслы, мечты, грезы и, не обязательно голубые, а может и сиреневые. Не случайно на Западе, да и в странах Востока, боссы часто практикуют пикники и другие формы корпоративов для неформального общения с коллегами».

А еще раньше, за полчаса до начала рабочего дня Рэм Анисимович появился в своем служебном кабинете. Прежде за ним такого рвения не водилось, хотя причина в другом. Обрюзгший и вялый с покрасневшими от бессонницы веками и тусклым взглядом он был не в своей тарелке. Его вывел из равновесия, встревожил вечерний звонок Ласки, сообщившей о том, что она застала Стужину в обществе Лешука в кафе «Голубые грезы». Вспомнился короткий диалог. Желая оправдать поступок президента, Тяглый поинтересовался у секретаря-референта:

– Возможно, деловая встреча?

– Если бы, я тоже так вначале подумала. А потом раскусила, что любовное свидание. На этот счет у меня интуиция верная.

– Почему вы так решили?

– Во-первых, по ее одежде, вместо обычного строгого делового костюма, вечернее платье, а на столе ваза с розами, коробка с шоколадными конфетами, шампанское, коньяк, блюда, – живописно представила натюрморт застолья и выдала на-гора пикантную информацию Наташа, обожавшая любовные романы и приключения. – Во-вторых, приподнятое настроение, таинственно-загадочный блеск в глазах. И, в-третьих, они танцевали танго, плотно прижавшись друг к другу. Павел Иванович обнимал за талию, не сводя с Ники Сергеевны влюбленных глаз.

– Наталья Васильевна, это плод ваших фантазий, воображения. Я же знаю, что вас хлебом не корми, дай только посудачить на интимные темы. Любите поинтриговать, – укорил он Ласку.

– Рэм Анисимович, я к вам хорошо отношусь, сочувствую и поэтому посчитала своим долгом предупредить о развитии новых отношений, которые могут привести к бурному роману и свадьбе. Вы же сами знаете, как тяжело ее вытянуть на пикники или в ресторан для коллективного отдыха, как она трепещет над своей деловой репутацией, чтобы ни одного темного пятнышка на белом платье. И вдруг так легко согласилась, к чему бы такая неожиданная перемена? Павел Иванович настойчиво клеится к Стужиной. имейте это в виду.

– Да, к чему? – следом за ней повторил огорченный мужчина.

– Только к одному, чувствует, что годы уходят, но нет нежности и любви. Рэм Анисимович, не просиживайте вы часы напролет в своем кабинете, как медведь в берлоге. Почаще, а не только по приглашению, общайтесь со Стужиной, – наставляла его секретарь-референт. –

Будьте раскованней и общительней, постоянно держите улыбку на лице. Женщины предпочитают сильных и жизнерадостных мужчин, способных быть надежной опорой и защитой. А вы постоянно пребываете в мрачном настроении, словно обиженный судьбой и чем-то недовольный. Это угнетающе действует на сотрудников, у вас должна быть светлая, излучающая добро и тепло, аура.

– Да, обижен. Лишь дураку все до лампочки и жизнь кажется прекрасной и удивительной, – ответил он. – Не могу же я постоянно, как американец или англичанин, держа фигу в кармане, скалить зубы. Еще подумают, что свихнулся, упрячут в психушку.

– Не комплексуйте, Рэм Анисимович, и у вас все получится, как надо, – обнадежила Ласка.

После этого разговора Тяглый долго не мог заснуть. И теперь, сидя за столом в кабинете, с горечью размышлял: «Шансы мои очень и очень призрачны. Стужина считает меня стариком, ведь разница в возрасте без трех месяцев пятнадцать лет. Но мой потенциал еще не исчерпан и, если бы Ника согласилась, то рождение ребенка связало бы нас прочнее любых пут. Ведь любовь проходит, а взаимная ответственность и забота остаются до конца жизни. Конечно же, она в этом не признается, но предпочтет более молодого и энергичного Лещука, который старше ее лишь на четыре года. Похоже, что мой поезд ушел, упустил я свой шанс еще два года назад, когда овдовел. Надо было до появления майора действовать решительно, многим женщинам нравится, когда их добиваются, берут, как неприступную крепость, штурмом или осадой».

Полагал, что Стужина сама созреет и обратит на меня свой божественный взор. Если и не полюбит, то хотя бы пожалеет одинокого вдовца. Увы, женщина – загадка. Неизвестно, как в той или иной ситуации она поступит? Часто, вопреки логике и здравому смыслу, руководствуясь чувствами, ощущениями, интуицией. И чем ее мог покорить этот самонадеянный солдафон? Надо что-то делать? Ника не должна ему достаться. Если не моя, то значит ничья. Она – достояние всего коллектива, фирмы. Необходимо вокруг нее создать запретную зону».

Движимый этой целью, он вошел в приемную, довольный тем, что Ласки еще нет на месте и удастся наедине объясниться со Стужиной.

Президент, будучи из породы сов, пребывала на рабочем месте.

Миновав тамбур, Тяглый попал в просторный кабинет.

– Доброе утро, Ника Сергеевна, – без улыбки на лице и энтузиазма в голосе произнес он.

– Доброе, Рэм Анисимович. Что это вы, ни свет, ни заря в такую рань? – удивилась президент его визиту. – Вы же по своей инициативе редко переступаете порог. Суров и глаза красные. Не конъюнктивит ли прицепился? Рекомендую слишком не увлекаться компьютером, вредно для здоровья и зрения, чаще делайте перерывы.

– Спасибо за совет, я не собираюсь жить до ста лет, не трясусь над своим здоровьем. Нет смысла, коптить этот свет, – сухо заметил Тяглый.

– Рэм Анисимович, не будьте пессимистом, выше голову, – поощрительно улыбнулась Стужина. – Что-нибудь случилось?

– Нет повода для телячьей радости. Это я удивлен, почему вы так рано в офисе после бурного вечера и ночи в обществе этого ловеласа-сердцееда Лещука? – с осуждением отозвался он. – Поди, очень устали, следовало бы отдохнуть от дел амурных?

– Откуда вам это известно, как я провела досуг?

– Земля слухом полнится, – ответил вице-президент и, не дожидаясь приглашения, опустил свое грузное тело, в кресло и продолжил. – Ника Сергеевна, вспомните, сколько раз я приглашал вас в театр, музей, на концерты, выставки живописи, в ресторан...

– В ресторан? Но вы же не пьете, гастрит?

– Ради вас я бы выпил фужер шампанского или рюмку коньяка. Но вы посчитали, что такая безобидная встреча коллег повредит вашей безупречной репутации, породит сплетни и подозрения, дали мне от ворот поворот, лишив последней надежды.

– И продолжаю так считать. Отношения должны быть исключительно деловыми и в стенах офиса.

– Тогда объясните, почему этот хлыщ, едва поманил за собой, и вы растаяли, как школьница? Готовы исполнять его капризы и прихоти.

– Неприлично было отказать, так как Павел Иванович выиграл дело в суде. Следовало его поощрить и вдохновить на успех, – пояснила Стужина. – К тому же это была деловая встреча, а не свидание, как вы могли предположить. Рэм Анисимович, вы превышаете свои полномочия, вторгаетесь в частную жизнь, я не обязана перед вами отчитываться.

– Эх, сами ведь, еще до появления Лешука, неоднократно заявляли, что не желаете жертвовать личной свободой, независимостью и кому-то доставаться в жены в ущерб карьере.

– Да, и остаюсь при своем мнении, – подтвердила она.

– Тогда у вас происходит раздвоение личности, слова расходятся с поступками, – упрекнул Тяглый. – Я ведь тоже не чаи гоняю и кроссворды разгадываю, а словно вол, работаю на авторитет и процветание фирмы. Однако меня вы отвергли, а у этого майора идете на поводу. Если и дальше так дело пойдет, то известно, кто в скором времени станет не номинальным, а реальным президентом «Nika».

– Поэтому и не хочу никого к себе приближать.

– Так ли? Свежо предание, да вериться с трудом. Вы ведь целовались с ним в подъезде, – произнес Тяглый и потому, как женщина опустила глаза, понял, что не ошибся.

– Ника Сергеевна, несмотря на то, что вчерашний вечер, а возможно, и ночь вы провели с Лешуком, я все же прошу вашей руки, – заявил Тяглый.

– И после таких намеков вы полагаете, что я должна с радостью броситься в ваши объятия? Глубоко заблуждаетесь, коллега.

– Простите, не хотел обидеть.

– Рэм Анисимович, не стройте иллюзий. Вы же знаете, что я не признаю служебных романов, семейственности и кумовства.

– Готов уволиться из фирмы, найти другую работу.

– Не надо таких жертв. Брак должен быть не по расчету, а по любви, – напомнила Стужина. – Рэм Анисимович, будьте тактичны, не выходите за рамки приличия, – возмутилась она. – Вы следили, это отвратительно, гнусно, не делает вам чести.

– Нет, предположил ход событий и понял, что попал в «яблочко», вы сами сознались.

– От поцелуев дети не рождаются, – не подумав, смущенно прошептала Стужина, пряча за ладонью слегка припухшие от дерзких поцелуев юрисконсульта, подведенные перламутровой помадой, губы. Сконфузилась, окончательно выдав себя.

– Не хватало еще между вами секса, – проворчал вице-президент, следя за ее реакцией.

– Не ожидала от вас такой пошлости и бесцеремонности.

– А я от вас, Ника Сергеевна, легкомыслия и распушенности, – продолжил он и вытащил из колоды последний козырь. – Вы же еще недавно были ярким противником семейственности, кумовства, предупреждали сотрудников, а теперь сами встали на этот скользкий путь?

– О какой семье вы говорите?

– О будущей, тайной, ведь вы с Лешуком уже сожительствуете в гражданском браке, – сделал он неутешительный для себя и оскорбительный для женщины вывод.

– Рэм Анисимович, в чем собственно дело? Это клевета. Прежде вы моей личной жизнью не интересовались. Что вас встревожило или огорчило? – удивилась она осуждающему тону его голоса.

– Прежде вы себе не позволяли таких вольностей. Не к лицу президенту солидной фирмы шляться с мужчинами по питейно-развлекательным заведениям, да еще с таким экзотическим названием, как «Голубые грезы», где собираются геи.

– Рэм Анисимович, прекратите за мною следить, подглядывать в замочную щель. Как это некрасиво, никогда бы не могла подумать, что вы на такое способны,– упрекнула она.

– Мне и самому эта роль неприятна, но я вынужден так поступать из благих намерений и позывов души, чтобы уберечь вас и фирму от скандалов,– аргументировал он.– Вы же, надеюсь, не желаете стать “героиней” грязных компрометирующих публикаций в бульварной прессе, с разоблачающими фотографиями и гнусными выводами. Наши конкуренты за это схватятся и раздуют скандал, потирая от удовольствия руки. Подумайте о репутации, если не личной, то фирмы, носящей ваше имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.